УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія *Думы.*

КНИГА II. Пѣсни Козацкія *былевыя.*

КНИГА III. Пѣсни Козацкія *бытовыя.*

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 23го дня 1834 года.

Ординарный Профессоръ, Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

(Цѣна 5 руб.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная."

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 150 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое Собраніе: и оно теперь простирается уже до $2\frac{1}{2}$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со-временемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя *П. П. Цертелева* — перваго издате-

ля Украинскихъ Думъ, *Н. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, *И. П. Срезневскаго* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я пріобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *Думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно-Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитой старины. Другіе народы въ память важныхъ происшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

ваетъ минувшее: событія Козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную Лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II й части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ Козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III й части собраны *пѣсни гуляшвыя*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгулъ, каррикатура и т. п.

Въ IV й части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ бо́льшею придуманностію, но восходящею до символической восторженности, но облекающеюся въ прелесть идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой Поэзіи народа. Благоуханные вѣчносвѣжіе цвѣты ея прорастаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ Думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ ста-

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ; впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хотѣлъ было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ отложить это впредь, поспѣшая переѣздомъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находятся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Краткая Грамматика Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 3 No Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: бо́льшая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже одни и тѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *П. В. Кирѣевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки* Украинскихъ пѣсенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ, лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ, а кто можетъ, то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, что̀ умѣютъ вполнѣ *пропѣть*. Всякая пѣсня, *какого бы ни была содержанія*, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсенъ, поэтическія не менѣе словъ ихъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсенъ, (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ*, уже вышла въ свѣтъ.

М. М.

Москва, 21 Мая.

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украйнѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ *Весняики* (№ 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) напѣвъ плѣсневой пѣсни *Антонъ козу ведетъ*, существуетъ у Нагайскихъ Татаръ, которые подъ него плящутъ или лучше сказать толкутся на одномъ мѣстѣ, сцѣпившись въ длинную веренцу.

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВОПРОИЗНОШЕНІИ (*).

I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есшь І, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: мои, твои; 2) *мягкое*, болѣе горшанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго Ы въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣшъ.)

Буква И *послѣ гласныхъ* и буква Ѣ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часшо произносятся и прочія гласныя буквы, и въ шакомъ случаѣ я, удерживая ихъ, оптмѣчаю особымъ значкомъ (*паерколѣ* ˆ) — â, ê, ѝ, î, ô, ŷ.

(*) Употребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я старался въ немъ соблюсти грамматическую правильносшь языка, согласивъ оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣсшнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне чишаюшъ сообразно своему выговору природному; 2) употребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажешся слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними отчасши согласенъ въ этомъ, и думаю, что для домашняго обихода просшѣ *Слобожанскій* способъ писанія, по

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паерколѣ*) произносятся какъ *мягкое* І.

Примѣры: мы ходили бишыми шляхами; якій ты милый: въ этихъ словахъ вездѣ одно *мягкое* І. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходылы бышымы шляхамы.) — Мôй кôньнêсъ вôдсêль крâй дороги мêжъ камêньями; йхъ конî дорогіи; дѣвка пôшла за-мŷжъ, слêзми обливаешся; у сына синîй нôсъ. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мій кинь нисъ видсиль крій дорогы мижъ каминьнямы; ихъ дивка пишла за-мижъ, слизмы облываецьця; у сына синій нисъ.)

которому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, стараются писать, слѣдуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ѣ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія остраго І употребляютъ только И, І, а для мягкаго — Ы; пишутъ гнуцьця, облываецьця и т. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писать *малако, кажетца, майо, свѣтова* — но это не есть *правописаніе*, и въ Граммматикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказать и то, что правописаніе есть такой предметъ, по которому не бываетъ полнаго соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литературахъ, и мѣлкія отступники онаго болѣе или менѣе составляютъ особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводить что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличая старинныя письмена и множество

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро;* послѣ согласныхъ выговаривается *твердо;* и тогда только выговаривается какъ *io*, когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапинникъ, гей, гострый; въ немногихъ словахъ, кажется только иностранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсень, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (большею частію не заботившихся объ искуственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Котляревскаго, въ которомъ и буква Ѣ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно ставится по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣтку паеркомъ буквъ й, î, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ô, ê, â, ŷ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое î. Ставьте вмѣсто ихъ букву И, отбросьте паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Котляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Граммашикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

IV) Буква В не выговаривается какъ *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узявъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (ужѐ, вже; у ѐго, въ ѐго; умираю, вмираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вôнъ, вонá, воно́, вôвса, вôвця, въ вôчѝ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: повный повкъ, вовкъ, жовтый. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лъ̀*, всегда имѣетъ *въ̀* (ходи*въ̀*, гуля*въ̀*).

V) Когда послѣ **ЛЬ, НЬ** слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: *зѣ.лья*, зѣльля; *коханья*, коханьня; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ь, но часто Н; напримѣръ: имьня, времня, памнять. Глагольное окончаніе *тся* или *ться*, выговаривается *цця* или *цьця*; да и вообще *тс* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи оваши, въ словахъ: шабуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять ъ̀, что̀ и будетъ ъ̀, прежде употреблявшійся въ срединѣ словъ (въ̀лкъ).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вкралось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія:

Въ книгѣ первой.

Стр. 21 стихъ 1. Украйнѣ — *тит.* Украйнѣ.

— 33 сизые орлы — *тит.* быстрые орлы.

— — спенью розлеглась — *тит.* спенью разлеглась.

— 56 внизу, Вмѣсто: Надо́локъ — заступъ? кажется должно поставить: надѣ́локъ — ножны?

— 57 стихъ 5. пипала — *тит.* пыпала.

Въ книгѣ второй.

— 67 — 1340 г. два раза ошибкою поставлень вмѣсто 1320.

— 68 — Дума X — *тит.* Дума IX.

— 74 — Пѣсни о *Морозенкѣ* должно перенести въ третій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною опть Г. Срезневскаго).

— 111 стр. 10. 32 пѣсня относится къ 1731 (1761 явная опечатка).

— 115 Внизу опечатка: ра́порь *тит.* Пра́поръ.

— 126 Землею Донскою *тит.* Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія пърсты на живая струны въскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокотаху!

Пѣснь Игорю.

А. — *Думы* суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Онѣ *пѣсень* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ поническихъ стопъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: иногда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда риомованные. Содержаніе ихъ большею частію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 Думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько Думъ Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я Думу 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней читатели найдутъ двѣ любопытныя Думы, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Баторія* и *смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Сирѣяги* (П. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандуристовъ есть большая Дума, въ которой воспѣвается *Дашковичъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились Думы и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича-Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію стариковъ-Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНІЯТСКИХЪ.

Съ зарання до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна — шу́гою взыдоша по Руськой землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — **Сѣчью** называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій таборъ или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ или Хортищѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* таже что и *Засѣки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на части, называемыя **КУРЕНЯМИ**, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холивы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Баторіѣ Украйна раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сотеннымъ городомъ), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ такого собирательнаго значенія, *Куренемъ* въ Украйнѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ тростника (очерета), либо орѣшника крытаго соломой, дѣланный для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игоревой пѣсни упоминается о *кур̀яхъ* Тмутараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *кур̀ею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошоваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Писарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады (*до Куреня*).

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ѲЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Атаманъ, можетъ быть, есть тотъ самый Безродный (Ѳома), который былъ Войсковымъ Писаремъ при отважномъ Гетьманѣ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагóю (1) Днѣпровóю
Молодóй козáкъ обѣдъ обѣдáе; не дýмае, не гадáе,
Що на ёго молодóго, щé й на чýру (2) малóго бѣдá наспигáе.

То не вéрбы луговúи зашумѣ́ли . . .
Якъ безбóжны ушкалúы (3) налетѣ́ли,
Хвéдора Безрóдного, Опáмана Курéнного,
Постреля́ли, порубáли — шóльки чýры не пóймáли.

То малúй чýра до козакá прибувáе (4),

(1) Сагá — заливъ. Болóньемъ называется собст. лугъ, лугомъже назывался лѣсъ, покрывающій низменныя мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того *лугъ* называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часто говорится о *шумѣ* луга. Отъ пороговъ за Днѣпромъ идетъ *великій лугъ*, и у Запорожцевъ *(Лугарей)* была пословица: *Сѣчь мати, а великій лугъ батько.* (2) Чýра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалúы — разбойники. Не суть-ли это Русскіе *ушкуйники*, разъѣзжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкуями.* (4) Прибувáши — прибывать приходить. Бýти — быть.

Ра́ны ёму́ глыбо́кіи промыва́е. То коза́къ ёму промовля́е (5):

„Чу́ро мо́й, чу́ро! Ве́рный слу́го!
По́йди́ ты степо́мъ по-надъ Днѣпро́мъ.
Послу́хай (6) ты, чу́ро: чи (7) то гу́сы кричя́ть, чи ле́беди́ ячя́ть,
Чи ушкалы́ гуду́ть, чи мо́же (8) козаки́ Днѣпро́мъ иду́ть?
Коли́ гу́сы кричя́ть, або́ ле́беди́ ячя́ть — то сжени́ (9);
Коли́ ушкалы́ гуду́ть — мене́ зхорони́;
Коли́-жъ козаки́ иду́ть — то объяви́,
Неха́й воны́ човны́ до бе́рега привертаю́ть,
Мене́ Хве́дора Безро́дного навѣщаю́ть.“ —

То чу́ра малы́й по бе́регу пробѣга́въ,
Козако́въ забача́въ (10), ша́пкою маха́въ, слова́ми промовля́въ:

— Пано́ве-молодцы́! до́бре вы дба́йте (11),
Човны́ привертайте, до Опа́мана Курѣ́нного поспѣша́йте!

То козаки́ тее зачува́ли (12),
До бе́рега привертали, Опа́мана навѣща́ли.

(5) Промовля́ти — говорить, промолвить. Мовъ — словно. Мо́ва — рѣчь. (6) Слу́хати — слушать. (7) Чи — ли, ставится въ началѣ слова. (8) Мо́же — можетъ быть; ма́бути — видно, знать. (9) Жену́, гна́ти — гоню, гнать. (10) Забача́ти — савидѣть; ба́чу — вижу; ба́читься — кажется, сдаётся. (11) Дба́ти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. въ пріобрѣтать; до́бре — хорошо. (12) Чу́ти — слышать.

Тогдѝ козáкъ чýру выхваля́е, слова́ми промовля́е:
„Чýро мóй, чýро! вѣ́рный слýго!
Коли́ ты бýдешь вѣ́рно пробува́ти,
Бýдуть тебе́ козаки́ поважа́ти!“
То тée промовливъ, опроще́нье зо всѣ́ми бравъ,
Милосéрдому Бóгу дýшу отда́въ. —
Тогдѝ козаки́ ша́блями суходо́лъ (13) копа́ли,
Ша́пками, припо́лами (14) пéрсть выма́ли,
Хве́дора Безро́дного хова́ли,
Въ семинья́дни́ пища́лѝ грема́ли,
У суре́мки (15) жало́бно выхваля́ли:
То ще до́бре коза́цька голова́ зна́ла,
Що безъ во́йська коза́цького не вмира́ла!

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаетъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаетъ, что его молодаго, и его малаго чуру бѣда настигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . . безбожные разбойники налетѣли; *Ѳедора Безроднаго* Куреннаго Атамана пострѣляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ ма́лый чура приходитъ къ козаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему козакъ: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! Пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходо́лъ — земля сухая. (14) Припо́лы — концы полы. (15) Сурма́ и Суре́мка — шруба, Сурма́чъ — шрубачь. Сурми́ши — шрубишь.

гуси-ль що кричашъ, ячашъ-ли що лебеди, разбойники-ль гуляшъ, или можешъ, козаки Дѣпромъ идушъ? Коли кричашъ гуси или ячàшъ (*) лебеди, то сгони; коли разбойники гуляшъ, схорони меня; коли жь козаки идушъ, що скажи, пусшь они челноки свои приворачиваюшъ къ берегу и навѣсшяшъ меня козака Ѳедора Безроднаго.

Вошъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машешъ шапкою, говоришъ словами: Паны-молодцы! сдѣлайше доброе дѣло, приворачивайше челноки, поспѣшайше къ Аташаману Куренному.

Козаки що услышали, къ берегу причаливали, Аташамана навѣспили.

Хвалишъ козакъ чуру и говоришъ шакія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли шы будешь вѣрно жишь, будушъ шебя козаки чшишь.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу опдалъ душу.

Тогда козаки саблями копали суходолъ, выгребали землю шапками и приполами, хоронили Ѳедора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей, и жалобно выхваляли его въ прубы: дѣло козацкая голова знала, чшо безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Ячáшь — говоришся про крикъ лебедей, коширый въ Русскомъ языкѣ кажешся, не выражаешся особымъ словомъ. Кукушка (*зозуля*) — куéшъ; воронъ — крáчешъ, грýешъ (въ Пѣс. Игор. *граетъ*); кречешъ — кýркуешъ и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой сѣчи* (остр. Хортицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ пѣснѣ *о Морозе́нкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Цертелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ го́рода изъ Азо́ва не вели́кіи тума́ны вста-
ва́ли,
Три бра́та рôдне́нькихъ зъ тя́жкои нево́лѝ втê-
ка́ли (16).
Два кôнныхъ; тре́тій пѣ́шій за ни́ми пôдбѣга́е,
На сыре́ корêнья, на бѣ́ле камêнья
Нôжки́ свои́ коза́цькіи посѣка́е, кро́вью слѣды́
залива́е,
До кôнныхъ братôвъ добѣга́е, слова́ми промовля́е.

(16) Утêка́ти — убѣгать, уходить.

„Ста́ньте вы, бра́тця! ко́ней попасѣ́те, мене́ по̂дождѣ́те,
Зъ собо́ю во̂зьмѣ́те, до городо̂въ хрестя́нськихъ по̂двезѣ́те.“
То середу́льшій (17) те́е зачува́въ, ста́ршого пыта́въ;
То ста́ршій ёму́ слова́ми промовля́въ:
– Чи ще́-жъ тобѣ́ не дала́ся тя́жкая нево́ля зна́ти?...
Якъ бу́демъ мы бра́та дожида́ти,
Бу́де насъ пого́нь доганя́ти, бу́де насъ стреля́ти, руба́ти,
Або́ (18) въ тя́жко̂й робо́тѣ бу́демъ пропада́ти. —
„Коли́-жъ мене́, бра́тця, не хо́чете жда́ти —
Ставъ ме́ньшій промовля́ти —
То прошу́ васъ, бра́тця: на пра́ву сто́рону зверта́йте,
Ша́бли̂ изъ по̂хвъ (19) вини̂ма́йте, тѣ́ло мое́ поруба́йте,
Въ чи́сто̂мъ степу́ похова́йте (20),
Звѣ́рю да пти́цѣ на пота́лу (21) не да́йте!“ —
То середу́льшій те́е зачува́въ,
Слова́ми промовля́въ:
— Сёго́, бра́те, изъ-ро́ду ни̂где́ не чува́ли,
Щобъ ро̂дною кро́вью ша́бли̂ обмыва́ли,
Або́ го́стрымъ спи́сомъ (22) опроще́нье бра́ли. —

(17) Середу́льшій или середу́щій — середній. (18) Або́ — либо. (19) По̂хва — ножны. (20) Хова́ти — хоронить, прятать. (21) Пота́ла — покормка. (22) Списъ — копье, пика. Го́стрый — острый.

„Коли́-жъ не хо́чете, бра́тця, мене́ руба́ти,
То прошу́ васъ, бра́тця, якъ бу́дете до байра́-
ко̂въ прибува́ти,
Терно́ви̂ вѣ́тки въ запо̂лье (23) руба́йте,
Менѣ́ призна́ку покида́йте!“ —
То вже́ два казаки́ въ байраки́ въѣзжа́е;
Середу́льшій бра́тъ милосе́рдіе ма́е:
Верховѣ́тья у терно̂въ зтина́е (23′),
Ме́ньшому бра́ту примѣ́ту покида́е,
А якъ ста́ли на Мура́вській шляхъ выѣзжа́ти,
Нѣ́чѣмъ ёму́ призна́ко̂въ покида́ти;
Во̂нъ черво́ну (24) кита́йку зъ-по̂дъ жупа́на (25)
выдира́е,
По шляху́ розкида́е, ме́ньшому бра́ту примѣ́ту
зоста́вляе.
То якъ ста́въ пѣшехо́дець зъ терно̂въ выходи́ти,
Ста́въ черво́ну кита́йку находи́ти:
У ру́ки хвата́е, дро̂бными слёза́ми облива́е.
„Не-ду́рно (26), промовля́е, черво́на кита́йка по шля́-
ху валя́е,
Ма́буть (27) мои́хъ брато̂въ на свѣ́тѣ нема́е! . . .
Ма́буть за ни́ми зъ го́рода Азо́ва пого́ня встава́ла,
Мене́ въ терна́хъ на спочи́вѣ (28) мина́ла,
Брато̂въ мои́хъ доганя́ла, стреля́ла, руба́ла!

(23) Запо̂лье – завороты полъ. (23′) – сѣкаетъ. (24) Черво́ный – красный (чермный). Червонная китайка весьма часто упоминается. (25) Жупа́нъ – кафтанъ. (26) Неду́рно, неда́рма — не даромъ. (27) Ма́буть — можетъ быть, видно. (28) Спочи́въ, опочи́вка, — отдыхъ, сонъ.

Колúбъ менѣ Бôгъ
Милосéрдый помôгъ
Тѣло козáцьке находúти,
Въ чúстôмъ степý хоронúти!“ —
Що одно́ безвôдье, другé безхлѣбье,
Трéтье бýйный вѣтеръ въ пóлѣ повѣвáе,
Бѣдного козака́ зъ нôгъ валя́е . . .
— „Ой гóдѣ-жъ менѣ за кôнными братáми уганáти,
Часъ менѣ козацькúмъ ногáмъ пôльгу (29) дáти!“
То шéе промовлявъ, до Сáворъ-могúлы прибувáвъ,
Пôдъ Сáворъ-могúлою спочивáвъ.
Въ той чáсъ сúзы орлы́ налѣтáли,
Пúльно (30) въ óчи козакóвi заглядáли.
Козáкъ шéе забачáе,
Словáми промовля́:
„Орлы́ сизо-пéры,
Гóстi мои́ мúлы!
Прошý я васъ тогдi налѣтáти,
Зъ лóбу óчи менѣ высмыкáти (31),
Якъ не бýду я свѣта Бóжого видáти. . .“
То шéе промовлявъ,
За чáсъ, за годúну милосéрдому Бóгу дýшу оддáвъ.
Тогдi орлы́ налѣтáли, зъ лóбу óчи высмыкáли,
Тогдi ще й дрóбна пти́ця налѣтáла,
Коло жóвтои кóстi тѣло оббирáла.
Вовки-сѣроманьцi (31′) набѣгáли, тѣло козáцьке рвáли,

(29) Пôльга — льгота (польза! такъ въ. *нельзя*, говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *нельга*). (30) Пúльно, спúльна́ — пристально; пильновáти — прилѣжать. (31) Смыкати — дергать. (31′) Вовкъ сѣромáнецъ — волкъ-сѣрякъ.

По те́рнахъ, по ба́лкахъ жо́вту ко̂сть жвакова́ли (32),
Жало̂бне́нько кви́лили, проквиля́ли (33):
То́ жъ воны́ коза́цькіи похоро́ны одправля́ли!
Де́-ся взяла́сь си́за зозу́ленька,
Въ голо́вкахъ сѣда́ла, жало̂бно кува́ла;
Якъ сестра́ бра́та, або́ ма́ти сы́на оплака́ла. —
Ста́ли ко̂нны браты́ до городо̂въ хрестя́нськихъ дохожа́ти,
Ста́ла къ ихъ сердця́мъ вели́ка ту́га наляга́ти.
То середу́льшій братъ до ста́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Не-ду́рно къ на́шимъ сердця́мъ вели́ка ту́га наляга́е:
„Ма́буть на́шого бра́та живо́го на свѣ́тѣ нема́е!
„Якъ бу́демо, бра́те, до отця́ й ма́тери̂ прибува́ти?
„Якъ бу́дуть воны́ насъ пыта́ти, то що́ ста́немо каза́ти?
То ста́ршій братъ те́е зачува́е,
До середу́льшого слова́ми промовля́е:
„Ска́жемъ: не въ одного́ па́на въ нево́лѣ бува́ли,
Но̂чно́и до́бы (33') зъ нево́ли̂ втѣ̂ка́ли,
Его́ со́нного буди́ли не збуди́ли,
Тамъ ёго́ въ нево́лѣ й зостанови́ли!“
То середу́льшій братъ те́е зачува́е,

(32) Жвакова́ти — жрать, жвакать. (33) Кви́лити, проквиля́ти — выть, завывать. (33') Ночною порою. До́ба — пора, время.

До ста́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Якъ не бу́демъ ощцю́ й ма́терй пра́вды каза́ти,
То бу́де насъ ощцёвська й матери́ньска моли́тва
кара́ти. —
Тодй ста́ршй брашы́ на поля́ Сама́рськй выѣзжа́ють,
Надъ рѣ́чкою Сама́рською опочи́вку собѣ ма́ють,
Ко́ней попаса́ють.
Въ той ча́съ безбо́жныи бусурма́ны набѣга́ли —
И тыхъ двухъ брато́въ поруба́ли,
Тѣло коза́цьке карбова́ли (34),
Въ чи́сто́мъ по́лѣ розкида́ли,
Го́ловы на ша́блй вадыйма́ли, до́вго глумова́ли!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Церпелевскомъ спискѣ сей Думы атаманъ Запорожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпиготскаго *Грицькомъ Коломыйченкомъ*: кто онъ такой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексѣя Поповича* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

---

(34) Карбова́ти — нарубать, рубить, — отсюда карбо́ванець — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чо́рному мо́рѣ на бѣ́лому ка́мнѣ
Ясне́нькій со́кôлъ жалôбно кви́лить, проквиля́е,
Сму́тно себе́ ма́е, на Чо́рнее мо́ре спи̂льна́ погляда́е.
Що на Чо́рному мо́рю недо́бре ся-почина́е,
Що на не́бѣ усѣ́ звѣ́зды пошмари́ло (35),
Полови́ну мѣ́сяца въ хма́ры (36) вступи́ло.
А изъ ни́зу бу́йный вѣ́теръ повѣва́е,
А по Чо́рному мо́рю супроти́вна хви́ля (37) встава́е,
Су́дна коза́цькû на три ча́стû розбива́е.
Одну́ часть взяло́ — въ зе́млю Ага́рську занесло́,
Дру́гу часть гôрло (38) Дуна́йське поже́рло (39),
А тре́тя—где́ ся-ма́е? —въ Чо́рному мо́рю потопа́е.
При тôй ча́стû бу́въ Грицько́ Зборо́вській
Ота́манъ коза́цькій Запоро́зській,
Той по су́дну похожа́е, слова́ми промовля́е:
„Хто-сь мѣ̂жь на́ми, пано́ве, вели́кій грѣхъ на собѣ́ ма́е!
Що-сь ду́же зла́я хуртови́на (40) на насъ наляга́е.
Сповѣда́йтесь, пано́ве, милосе́рдому Бо́гу,
Чо́рному мо́рю, и менѣ́ Ота́ману Кошово́му;
Въ Чо́рнее мо́ре впадѣ́те,
Вôйска коза́цького не губѣ́те!“
То коза́ки те́е зачува́ли, усѣ́ замовча́ли,
Бо въ грѣха́хъ себе́ не знава́ли.
Тôльки обôзва́вся Пи́сарь Вôйсько́вый, коза́къ лестро́вый,

(35) Пошма́рити — помрачить. (36) Хма́ра — туча. (37) Хви́ля — волна. (38) Гôрло, — устье. (39) Поже́рло — пожрало. (40) Хуртови́на — напасть, буря.

Пиряти́ньскій, попо́вичъ Олексѣ́й:
„До́бре вы, бра́тця, вчинѣ́те (41), мене́ само́го, вôзьмѣте,
„Менѣ́ чо́рною кипа́йкою о́чи́ завяжѣ́те,
„До ши́и бѣ́лый ка́мѣнь причепѣ́те (42),
„Да й у Чо́рнее мо́ре зôпхнѣ́те!
„Неха́й бу́ду оди́нъ погиба́ти,
„Коза́цького вôйська не збавля́ти!“
То козаки́ тее́ зачува́ли, до Олексѣ́я По́повича промовля́ли:
„Ты-жъ свято́е письмо́ въ ру́ки бере́шъ, чита́ешъ,
„Насъ про́стыхъ люде́й на все до́бре наставля́ешъ,
„Якъ-же найбо́льше одъ на́съ на собѣ́ грѣхо́въ ма́ешь?
— Хоча́ свято́е письмо́ я чита́ю,
Васъ про́стыхъ люде́й на все до́бре наставля́ю,
А я все са́мъ недо́бре почина́ю.
Якъ я́ изъ го́рода зъ Пиря́тина, пано́ве, выѣзжа́въ,
Опроще́нья зъ пан-отце́мъ и зъ пани́-ма́ткою не бра́въ,
И на свого́ ста́ршого бра́та вели́кій гнѣ́въ покла́дъ,
И бли́зькихъ сусѣ́до́въ хлѣ́ба-и-со́ли безневи́нно збавля́въ (43),
Дѣ́ти малы́и, вдо́вы стары́и стре́мнямъ въ гру́дитовка́въ,

(41) Чиню́, чини́ти — дѣлаю. (42) Причепи́ти — прицѣпить; чепъ, ланцю́гъ — цѣпь. (43) Збавля́ти — лишать, убавлять.

Безпе́чне по у́лицямъ коне́мъ гуля́въ,
Пропи́въ це́ркви, до́му Бо́жого проѣзжа́въ,
Ша́пки зъ себе́ не зни́ма́въ, хре́ста́ на се́бе не кла́въ.
За ще́ я, пано́ве, вели́кій грѣхъ ма́ю, щепе́ръ по-
гиба́ю!
Не е́сть се, пано́ве, по Чо́рному мо́рю хви́ля вста́ва́е,
А е́сть се — мене́ опце́вська й маперѝнська моли́тва кара́е!
Коли́бъ мене́ ся́я хурто́вина зла́я въ мо́рѣ не вто́пила,
Одъ сме́ртй моли́тва борони́ла:
То зна́въ бы я опця́ й ма́пѣръ шанова́ти, поважа́ти,
То зна́въ бы я ста́ршого бра́та за ро́дного опця́
почита́ти,
И сестру́ ро́дне́ньку за не́ньку (44) у се́бе ма́ти!“ —
То якъ спа́въ попо́вичъ Олексій грѣхи́ свои́
сповѣда́ти,
То спа́ла зла́я хурто́вина по Чо́рному мо́рю сти-
ха́ти,
Су́дна коза́цькй до-горы́ (44′) якъ рука́ми по́до́йма́ла,
До Те́нпрева о́строва прибива́ла.
То всѣ тогдй козаки́ ди́вомъ дивова́ли,
Що по яко́му Чо́рному мо́рю, по бы́строи хви́лѣ
попопа́ли,
А нй одного́ козака́ зъ-межы́ во́йська не вперя́ли! —
Отъ-же тогдй Олексѣй Попо́вичъ изъ су́дна выхожа́е,
Бере́ свяще́е письмо́ въ ру́ки, чита́е,
Усѣхъ про́сныхъ люде́й на все до́бре нача́е, до
козако́въ промовля́е:

(44) Не́ня, не́нька — родимая, матушка. (44′) До-горы́ — вверхъ.

„От-ты́мъ-бы то, пано́ве, тре́ба люде́й поважа́ти,
„Пан-отця́ й пани̂-ма́тку до́бре шанова́ти;
„Бо кото́рый чоловѣ́къ те́е уробля́е (45),
„Повѣ́къ той сча́стье собѣ́ ма́е,
„Смерте́льный ме́чъ того́ мина́е:
„Отцёва й ма́тчина моли́тва зô дна мо́ря выйма́е,
„Одъ грѣхôвъ смерте́льныхъ ду́шу одкупля́е,
„На по́лѣ й на мо́рѣ на по́мôчъ помага́е!

---

(45) Роблю́, роби́ти — дѣлаю, дѣлать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Уже́ бо, братіе, не веселая година вспала: вспала обида въ силахъ Дажь-божа внука ... Ваю храбрая сердца́ въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ бу́ести закалена ... Мужаимъся сами! предшюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, братіе, стáру помолодѣти? Коли соколъ въ мышехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!

... Луце-жъ бы потяту быти, неже полонену быти!

Пѣснь Игорю.

Д. — **гетьманщиною** называлась Украйна отъ своихъ вождей, кои именовались **гетьманами**, по примѣру вождей Литовскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедиманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла*, *Carolus*; *Цесарь* отъ великаго *Цезаря*; *Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время отлучки Гетьмана изъ Резиденціи поставлялся въ Украйнѣ **наказный гетьманъ**; а въ отсутствіе съ поля битвы, власть его принималъ **гетьманъ напольный**.

Е. — **московщиною** называлась Великая Россія, Московія; **шведчиною** Швеція; **волощиною** Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ **туретчина**, **татарщина**; **бѣлгородщиною** называлась Татарская сторона между Днѣпромъ и Днѣстромъ; **полѣсьемъ** — Бѣлостокская область; **подольемъ** — Подолія; **покутьемъ** — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія относится къ 1596 году, когда Гетьманъ *Павелъ Наливайко* разбилъ Жолкевскаго при Чигринѣ. По Лѣтописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневомъ козацкіе спаршины: *Богунъ*, *Сутичъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сомино*), и *Войновичъ;* а Наливайко выставилъ такую надпись: *Миръ Христіянству, а на зачинщика Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашой у славной Украйнѣ
Бували коли-сь (46) преспрашныи злыгодній, бездольній годины;
Бували й моры й войскові чвары; (47)
Нихто Вкрайнцевъ не ряповавъ; (48)
Нихто за іхъ Богові молившъ не посылавъ;
Тольки Святый Богъ нашихъ не забувавъ,
На велики зусилья, на водповѣдья державъ.
Тольки Богъ святый зналъ, що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украйньску землю посылавъ.
Опъ-же й пройшли, изойшли злыи незгодины:
Немае никого, що-бъ насъ подолѣли!
Тольки Богъ Святый зналъ
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвара — гроза. (48) Рятовати, ратовати — избавлять, спасать.

Не де́нь и не два́ Ляхи́ Украйну плíндрова́ли,
Ни на часи́ночку одпочи́нья не ма́ли,
Ко́ней на-взво́дахъ день и но́чь держа́ли,
До Ге́тьмана Наливáйка доро́гу верста́ли.
А Гетьма́нъ хоро́брый Наливáйко — що́ во́нъ ду́мае гада́е?
Що́ во́нъ за до́лю шова́ришо́въ своíхъ замышля́е?
То́льки Богъ Свя́тый зна́е, що ёму́ на по́мо́чь помага́е!...
Изъ-за горы́ хма́ра выступа́е — выступа́е, выхожа́е,
До Чигрина́ гро́момъ вигрéмля́е,
На Украíнську зéмлю блúскавкою блиска́е.
То Поляки́ черезъ три рѣки́ три перехо́ды ма́ли,
Да й бúля́ трéтёго перехо́ду ста́номъ ста́ли;
Пусти́ли ко́ней на попаса́нье,
Сами́ собѣ дали́ на три годúны одпочива́нье. —
А що́ Ге́тьманъ Наливáйко ду́мае, гада́е?
Що́ во́нъ на незго́ду Ляхо́въ замышля́е?
То́льки Бо́гъ тée зна́е, що ёму́ на по́мо́чь помага́е! —
То не хма́ры по не́бу гро́момъ свя́тымъ выгрéмля́ютъ,
То не свя́тыхъ воны́ до Бо́га прова́жа́ютъ:
То Ляхи́ у бу́бны вдаря́ютъ,
У свистéлки да у тру́бы выграва́ютъ,
Усé вóйсько своé до-ку́пы у грома́ду скликáютъ,
Що-бъ ишли́ усé до грома́ды на послуха́нье,
Слу́хаши Ге́тьмана Жовко́вського одповѣда́нье.
Отъ-то й прíйшли́ усé, ря́домъ ста́ли,
Усé ря́домъ ста́ли, да й замовча́ли,
Гетьма́нське отповѣданье слуха́ши зача́ли;
А послу́хавши, ко́ней сѣдла́ли,

Черéзъ Бѣлу-рѣчку перехóдъ велúкій мáли:
Мосты́ мостúли, грéблѝ гатúли, кóлья забивáли,

Горзúну да дряни́цю клáли,
Черезъ Бѣлу-рѣчку перехóдъ велúкій мáли;
А, перейшóвши, огорóды да шанцѝ робúли,
У-въ окрѣпъ гармáты (50) спановúли,
А по-перéдъ гармáтами три хресты́ вколошúли.
А що пéрвый хрéстъ, то Сóмино висúть —
Сóмино висúть, бáрао голосúть;
А що другúй хрéстъ, Богýнъ висúть —
Богýнъ висúть, шаблю́кою лопошúть;
А що трéтій хрéстъ, то порóжній стоúть,
Усѣхъ и́ншихъ козакóвъ до сéбе пóджидáе, —
Козакóвъ пóджидáе, козакóвъ оглядáе:
Хто пéрвый пóдóйде, того́ гармáта убьé;
Хто другúй добѣжúть, того́ самопáлъ (51) цапнé;
Хто трéтій пóдлетúть, той хрестúться бýде, —
Хрестúться бýде, й молúться стáне;
Що хрéстъ зъ осокú — то ёго́ надбáне! . . .
А козакú глядѣли, у вóчѝ вбачáли,
Прс-чéжъ сéбе бурковáли, раховáли,
Три корогвы́ на забачéнье Ляхáмъ спановúли,
На корогвáхъ уговóръ-рядиу писáли:
„Вѣрному православному Христiáнсьтву мúромъ мúръ;
А Ляхáмъ-ворогáмъ пекéльный пúръ.
Въ кóго хрéстъ — на тóго й Хрéстъ!“ —
Отъ-сé-жъ и пóйшлú нáши на чотырѝ пóля
Що на чоты́ри пóля, а на пя́тее на Подóлье;

(50) Гармáта — пушка. (51) Самопáлъ — ружье.

Ляхо́въ на всѣ спо́роны, по всѣмъ хресто́мъ ко-
лопи́ли;
Ляхи́ опроще́нья проси́ли, да не допроси́лись:
Не тако́вськи козаки́, що-бъ опроще́нье дали́,
Не тако́вськи й Ляхи́, що-бъ напа́сть забули!

Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла.
Що́ вона кува́ла, про-мѣ́жъ свяны́хъ чува́ла;
Що́ вона́ кува́ла, тому й бу́пи-спа́ти, —
Якъ спа́нуть бѣсы́ пра́выхъ й непра́выхъ ѣдна́пи,
Ду́ши забира́пи, у пе́кло до-ку́пы склада́пи.
Во́дъ то́го й сѣго́, одъ ино́го чого́ Бо́же намъ помо́же.
Про те́ во́нъ и зна́е, що во́нъ ду́мае, гада́е,
Що Павло́вй Наливайковй да на по́мо́чь помага́е.
Не на́мъ про те́е, за те́е рахова́пи:
На́ше де́ло Боговй моли́пься,
Спаси́пелю хрести́пься!

ПЕРЕВОДЪ.

Какъ въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшные злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитвъ не возсылалъ; а только Святый Богъ нашихъ не забывалъ, для великихъ усилій, для ошѣпа (врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святый зналъ, что Онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодья на Украинскую землю посылалъ!

Вошъ и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ никого кпобъ одолѣлъ насъ! только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли отдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гетьману Наливайку дорогу держали.

А Гетьманъ храбрый Наливайко — что́ онъ думаетъ, гадаетъ? что́ онъ на долю товарищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы туча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки́, черезъ три рѣки́ или три перехода; а вождѣ третьяго перехода стали станомъ, пустили коней на пастьву, а себѣ дали отдыха на три часа.

А что́ Гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? — что́ онъ на невзгодье Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Святый то знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не Святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свистках и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ шли въ громаду на послу́шанье, слушать опповѣдь Гетьмана Жолкевскаго. — Вотъ и пришли; всѣ рядомъ стали, — рядомъ стали и замолчали. Гетьманскую опповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую-рѣчьку большой переходъ держали: мосты мостили, гати гати́ли, вбивали колья, клали хворостъ и дрань, — черезъ Бѣлую-рѣчьку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, ставили пушки въ окрѣпѣ, а передъ пушками три креста вколотили. А что первой крестъ — то *Со́мино* виситъ, — Сомино виситъ, громко голоси́тъ. А что другой крестъ, то *Богунъ* виситъ — Богунъ виситъ, саблею стучитъ.

А что третій крестъ, то порожній стоитъ; — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ, козаковъ поджидаетъ, козаковъ оглядаетъ. Кто первый подойдетъ, того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ хватитъ; а кто третій подлетитъ, тотъ крестится будетъ, крестится будетъ молится станетъ: крестъ изъ осоки — сто участь!.. А козаки глядѣли, своими очами видѣли, про-между себя переговаривались, судили; — при хоругви на видъ Ляхамъ становили, на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали: *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ, а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ. У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Вотъ и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое на Подолье; — Ляховъ на всѣ стороны окрестъ себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковскіе козаки, чтобъ прощенье дали! не таковскіе и Ляхи, чтобъ напасть забыли.

Будетъ и нашимъ бѣда, какъ кукушка куковала. Что она куковала, то она промежъ Святыхъ слыхала! что она куковала, тому и быть-стать: какъ станутъ бѣсы правыхъ и неправыхъ единить, сбирать души и въ аду въ кучу валить. Онъ того и сего, и другаго чего — да спасетъ насъ Богъ! Про то Онъ и знаетъ, что Онъ думаетъ, гадаетъ, что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ! Не намъ о томъ и про то судить. Наше дѣло Богу молиться, къ Спасителю креститься!

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ слѣланы по списку, полученному мною отъ Г. Срезневскаго.

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представленъ идущимъ чрезъ поле битвы, усѣянное трупами, я не знаю по Исторіи. — Подъ именемъ *Степана Кукурузы* здѣсь разумѣется, я думаю, *Степанъ Остраница*, который послѣ побѣды своей захваченъ ночью въ Каневскомъ монастырѣ и въ Вершавѣ колесованъ. *Карпо Повтора-Кожуха*, бывшій послѣ Остраницы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горѣлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пошли козаки на чотыри поля,
Що на чотыри поля, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ — то пошовъ Самко Мушкетъ,
А за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи,
Усе хоробрыи товариши Запорозьци.
На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ,
у бубны вдряютъ,
Боговi молитвы посылаютъ, хресны покладаютъ.

А Самко́ Мушке́пъ — то во́нъ на коню́ да й не выграва́е,
Коня́ удержу́е, до се́бе припягу́е, ду́мае, гада́е.
Да що́-бъ сто чорто́въ ли́хомъ вби́ли ту ёго́ ду́му, що гада́нье! —
Самко́ Мушке́пъ ду́мае, гада́е, слова́ми промовля́е:
— „А що́, якъ на́ше коза́чество, мовъ у пе́кли́, Ляхи́ спа́лятъ,
Да зъ на́шихъ коза́цькихъ косте́й пиръ собѣ́ на похме́лья зва́рятъ! . . .
А що́, якъ на́ши го́ловы коза́цьки по степу́-по́лю поля́жутъ,
Да ще́ й ро́дною кро́вью вмыються,
Попереросколо́тыми шабля́ми покры́ються! . . .
Пропаде́, мовъ порошина́ зъ ду́ла, ша́я коза́цькая сла́ва,
Що по всёму́ свѣ́ту дыбомъ спа́ла,
Що по всёму́ свѣ́ту сте́помъ розляглась, просягла́сь,
Да по всёму́ свѣ́ту луго́вымъ го́мо́номъ роздала́сь,
Туре́ччинѣ да Тата́рщинѣ до́брымъ ли́хомъ зна́ти дала́сь,
Да й Ляха́мъ-ворога́мъ на спи́съ оддала́сь!“ . . .

Закря́че во́ронъ сте́номъ лепючи,
Запла́че зозу́ля лу́гомъ скачу́чи,
Заку́ркують кречеты си́зи́,
Загада́ються о́рлики хи́жи́ —
Да все́, усе́ по свои́хъ брата́хъ,
По бу́йныхъ това́рищахъ козака́хъ! . . .
Чи то́ ихъ зга́рбомъ занесло́?
Чи то́ ихъ у пе́клѣ потону́ло?

Що невúдко чубáтыхъ, не тó по степáхъ, не тó
й по лугáхъ,
Не тó й по Тапáрськихъ земляхъ, не тó й по
Турéцькихъ горáхъ,
Не тó й по Чóрныхъ моряхъ, не тó й по Лáцькихъ
нóляхъ? . . .
Закря́че вóронъ, загрýе, зашумýе,
Да й полетúть у чужýю зéмлю. . . .
Анъ-бá! кóстки лежáть, шаблюки сторчáть;
Кóстки хрустя́ть, шаблюки попереросколонúй
бряжчя́ть! . . .
А чóрна, сúва сорóка зоскáлилась да й басýе!
А що гóловы козáцькúй — то мовъ Швéць-Семéнъ (52)
шкýру загубúвъ (53),
А що чубы́ — мовъ чортя́ка джгуты́ поробúвъ: —
У крóвúй усé, да й позасыхáли —
Оп-тó й слáвы набрáли! . . .

Ой пóшлúй козакúй на чотырúй шляхú,
Да на чотырúй шляхú, а на пя́тe на Подóлье.
Що однúмъ пóлемъ — то пóшóвъ Самкó Мушкéтъ,
А другúмъ пóлемъ — Спецькó Кукуру́за:
Сúзою голýбкою гóлову свою́ бýйную до-дóлу (54)
закúнувъ!

(52) Въ Украйнѣ былъ какой-то знаменитый *Семенъ Швецъ* (сапожникъ), вошедшій въ поговорку. Говорится, напр. онъ его смялъ, *мовъ Швецъ-Семенъ шкуру*. (53) — Потерялъ. (54) До-дóлу — внизъ, на-полъ.

А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцй,
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́говй моли́твы посыла́ють, хресты́ поклада́ють,
До Спецька́ Кукуру́зы ось-та́къ (55) промо́вля́ють:
— Чи ты жи́въ, чи здоро́въ, па́не Степа́не?
Чи ты вме́ръ, що твою́ голо́воньку ду́бомъ до-до́лу
приши́бло?
Рахова́нье (56) — не въ помина́нье!
Коли́-жъ не́будь тре́ба (57) да по насъ помо́нки
роби́ти!
Що по на́съ, Па́не, старй ба́бы ста́нуть у по́лѣ
свисте́ти,
А по тобѣ, Пане, молоды́и дѣвча́та зачну́ть го-
лоси́ти!
— „Да те всё одна́ко,
Що Яки́мъ, що Яко́въ!
Ось, якъ приста́немо до пя́пого я́ра,
То хочъ и сере́дъ ле́течка — зашуми́ть, загуде́
не-дай-свѣта-чва́ра!
Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла,
Сте́помъ летючи, лу́гомъ скачу́чи.
Що вона́ кува́ла, то пра́ву каза́ла;
Налета́ть орлы́ хи́жй, ста́нуть жалкова́ти;
А во́роны налета́ть, да й ста́нуть здобы́чи жда́-
ти й по́джида́ти.

(55) Ось — вотъ; - сь — частица то. (56) Рахова́ти — считать, разсуждать. Рахова́нье — размышленье. Раху́нокъ — разсчетъ. (57) Тре́ба — надо, потребно.

То я́къ налѣпя́ть отъ-тѣ зозу́лѝ,
Що насъ не забу́ли! . . .
Що жи́дъ, а що дѣ́дъ, а що й Запоро́зькій коза́къ! —

— Ой по́шли́ козаки́ на чоты́рѝ шляхи́,
Що на чоты́рѝ шляхи́, а на пя́те на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ, то по́шо́въ Самко́ Мушке́нъ;
А другѝмъ по́лемъ, то по́шо́въ Стецько́ Кукуру́за;
А тре́шѝмъ по́лемъ, то по́шо́въ Карпо́ По́вторá-Кожу́ха —
На ко́нику выграва́е, пѣ́сню спѣ́вае.
А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцѝ:
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́говѝ моли́тву посыла́ють, кресты́ покладаю́ть.
А Карпо́ Панъ Ге́тьманъ на ко́нику выграва́е,
пѣ́сьню спѣва́е:

— „Пресу́чая ша журба́,
Мене́ изсуши́ла,
Вона́ мене́ молодо́го
Изъ но́гъ извали́ла.

А я́ шо́й журбѣ́
Да й не по́ддаю́ся.
Ой по́йду́ я до шинка́рки,
Горѣ́лки напью́ся. . . .

Ой хто хóче мéду пúпти —
Ходéмъ до жидóвки!
А въ жидóвки чóрнi брóвки,
Высóки пóдкóвки...

И юпочка рябéнька,
Й самá молодéнька;
Да якáя-жъ хорóшая,
Якá чепурнéнька!

Шинкарóчко моя!
Насúпь мéду й винá,
Да щó-бъ моя голóвонька
Веселéнька булá!

— Колú ты женáтый,
То идú до-дóму;
А ákъ нежонатый,
То ночýй зо мнóю. —

Ой é въ мéне й жóнка
И дéпочокъ двóе:
Да не пригорпáються,
Сéрденько мóе!"

ПЕРЕВОДЪ.

Вотъ пошли козаки на четыре поля, — что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самкó Мушкéтъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы — на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко́ Мушкетъ — онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ пришпориваетъ, — думаетъ гадаетъ... Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ гадаетъ, говоритъ словами:

„А что́ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, — что по всему свѣту степью розлеглась, пропанулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась? . . .

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Заку́ркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьихъ,
По буйныхъ шоварищахъ коза́кахъ! . . . .

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячетъ воронъ, загру́етъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли ворчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семенъ шкуру потерялъ!

А чубы́ — словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли: то́-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко́ Мушкетъ, а другимъ полемъ *Степанъ Кукуруза*; какъ сизая голубка, свою буйную голову повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ поминки творить. Какъ по насъ, Пане! старыя бабы станутъ въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодыя дѣвицы зачнутъ голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта — зашумитъ, загудетъ не-приведи-Богъ-буря. . . Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, станутъ горевать; а во́роны налетятъ, станутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли. . . Что̀ жидъ, а что̀ дѣдъ, а что̀ и Запорожскій козакъ. . . .

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ —

то пошелъ Самко́ Мушкетъ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Полпора́-Кожуха: на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Карпо Панъ Гетьманъ (?) на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню:

Разсукина та тоска меня изсушила,
Она меня молодаго, она съ ногъ свалила.

А я той ужь тоскѣ да не поддаю́ся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горѣлки напьюся.

Ой кто хочетъ меду пить, пойдемъ до жидовки —
У жидовки чёрны бровки, высоки́ подковки,

Юпочка пестре́нька, сама молоденька —
Ужь и что́ за пригожа́я, што́-то удалая!

Шинкарочка моя! лей мнѣ меду, вина,
Да чтобъ моя головушка веселе́нька была!

„Коли ты женатый, то иди до дому;
Колижъ не женатый, то ночуй со мною!“

— Есть у меня жонка и дѣточекъ двое —
Да не приголубится, серденько мило́е!

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гиря*?).

Въ семъ году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы еще воины добрые, саблю и силу имѣете: кто-же вамъ за себя спать воспрещаетъ?“ Барабашъ скрылъ эту грамату; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Происшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительства сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Староствомъ былъ тогда *Кричевскій* (убитый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же староствомъ былъ Александръ Конецпольскій.

Въ стихѣ: *Кумомъ его до себе прохавъ* — я выпустилъ слова: *до города Чигрина*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до города Черкаса*, въ другомъ стихѣ (*Чуру своего посылавъ*); а въ стихѣ: *днемъ и ночью изъ Чигрина поспѣшивъ* — было въ спискѣ *до Чигрина*.

Изъ день-годи́ны (58),
Якъ ста́ла превóга на Украи́нѣ.
То ни́хто́ не мóже обо́бра́ти (59)
За вѣ́ру Христія́нську односта́йне (60) ста́ти;
То́лько обо́бра́лись Бараба́шъ, да Хмельни́цкій,
да Кли́мъ Бѣлоцерко́вській;
До Короля́ выступа́ли, ли́сто́въ, Наверса́ло́въ (61)
прохáли,
То Коро́ль Наверса́лы писáвъ,
Самому́ Барабашу́ до ру́къ подавáвъ;
А Бараба́шъ ли́спы якъ взя́въ,
Три́ го́ды козака́мъ зна́ти не дава́въ.
То Хмельни́цкій ше́е догада́въ,
Ку́момъ ёго́ до се́бе прохáвъ, до́бре угоща́въ.
А якъ спáвъ Бараба́шъ на по́дни́шку (62) гуля́ти,
Спáвъ ёму́ Хмельни́цкій каза́ти:
„Го́дѣ (63) тобѣ́, Па́не ку́ме, ли́спы Короле́вськи́
держáти,
Дай менѣ́ хочъ прочита́ти!“
— „На́ що тобѣ́, Па́не ку́ме, и́хъ зна́ти,
Мы да́чи́ не даéмъ,
Въ во́йсько По́льске не йдéмъ;
Не лу́ччебъ на́мъ зъ Ляха́ми,
Мосци́выми (64) пана́ми,
Ми́рно пробува́ти;
А нѣ́жъ по́йти́ луго́въ попира́ти, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обо́бра́тися — вызваться. (60) Односта́йне — въ одну стаю, единодушно. (61) Наверса́лъ — Универсалъ. (62) На-по́дни́шку — на́-веселѣ. (63) Го́дѣ, бу́де — довольно, полно, будетъ! (64) Мосци́вый — знатный, вельможный. (65) Нежели пойти луга топтать.

Своїмъ тѣломъ комарôвъ годова́ти (66)?“
То Хмельни́цькій тée зачува́въ,
Ще лу́ччихъ напи́ткôвъ подава́въ.
То Бараба́шъ якъ упи́вся,
На лéжку (67) спа́ти звали́вся.
Тогдѝ Хмельни́цькій ключи́ одбира́въ,
Чу́ру свого́ до го́рода Чигрина́ посыла́въ,
Велѣ́въ ключи́ Па́ньѣ Бараба́шовôй пода́ти,
Ли́стôвъ Королéвськихъ пиша́ти.
То чу́ра до нéи прибува́е,
Слова́ми промовля́е:
„Панѝ Бараба́шова! швôй Па́нъ спавъ у на́съ гуля́ти,
А тобѣ́ велѣ́въ ли́сты Королéвськѝ пода́ти.
„Де-сь (68) моему́ Па́новѝ ли́хомъ зануди́лось,
Що зъ Хмельни́цкимъ гуля́ти схотѣ́лось!
Нôйди́ въ глухôмъ кôицѣ́ пôдъ воро́тьми́
Ли́сты Королéвськѝ въ шкату́лѣ вôзьми́!“ —
То чу́ра ско́ро ли́сты доспа́въ,
День и нôчъ изъ Чигрина́ поспѣша́въ;
Ско́ро прибува́въ, само́му Хмельни́цькому ли́сты пода́въ.
Тогдѝ Бараба́шъ ра́но прочина́е (69),
У карма́ны поглядáе — ажъ ключôвъ нема́е.
Вôнъ ста́росту Кричéвського пробужа́е,

(66) Году́ю, годова́ти — кормить. (67) Лéжко — кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-то), знать, вѣрно. — Лихомъ занудилось — бѣдою запосковалось. (69) Прочина́ти — просыпаться, очинаться.

Двома́ ко́ньми ти́хо зъ двора́ выѣзжа́е,
Ду́мае, гада́е,
Якъ На́на Хмельни́цького до ру́къ прибра́ти,
Ляха́мъ отда́ти.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ той поры-времени, какъ началась тревога на Украинѣ, никого не вызовется, чтобы дружно стать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили грамать *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ граматы, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и сталъ угощать. А какъ разгулялся Барабашъ на-веселѣ, сталъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія граматы держать, — дай мнѣ хоть прочитать!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? по́даши мы не даемъ, въ войско Польское не йдемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напитковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи Паньи Барабашевой и просить Королевскихъ грамать.

Пріѣхалъ къ ней чýра и говоритъ словами: „Панья Барабашева! твой Панъ остался у насъ гуляшь, а тебѣ велѣлъ доспать Королевскія грамашы.“

— Видно моему Пану больно вспосковалось, что съ Хмельницкимъ гуляшь пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возьми въ шкапулкѣ Королевскія грамашы.

Чура тошчасъ досталъ грамашы; день и ночь спѣшилъ изъ Чигрина; скоро пріѣхалъ и подалъ грамашы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманы, а ключей нѣшъ.

Будишъ онъ спароспу Кричевскаго; шихо они на двухъ коняхъ выѣзжаюшъ съ нимъ со двора; думаюшъ, гадаюшъ: какъ-бы прибрашь къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдашь Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Относится къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ ни́зу Днѣпра́ ти́хій вѣ́черъ ві́е, повѣва́е;
Во́йсько коза́цьке въ похо́дъ выступа́е:
Тóлько Бóгъ Свя́тый зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е!
Объ тóмъ не зна́ли ни Сóтники,
Ни Опа́маны Курéнныи, ни Полко́вники:

Тôльки Бо́гъ Святы́й зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е! . . .
Якъ до Днѣстра́ прибува́ли;
Чере́зъ три́ перево́зы перепра́ву ма́ли;
Самъ Хмельни́цькій напере́дъ-всѣ́хъ руша́въ,
До Хо́тіи (70) прибува́въ, у ста́ршого Копита́на
на кварты́рѣ ста́въ,
До Василя́ Молда́вського ли́сты посыла́въ, слова́-
ми промовля́въ:
„Що́ ты зо мно́ю бу́дешъ гада́ти —
Чи бу́дешъ би́ться,
Чи бу́дешъ мири́ться;
Чи на прими́рье бу́дешъ пріима́ти,
Чи сла́внои Воло́щины полови́ну оддава́ти?“ —
То Васи́лій Молда́вській те́е зачува́въ,
До Пото́цького ли́сты посыла́въ, слова́ми про-
мовля́въ:
— Ге́тьмане Пото́цькій,
Що въ те́бе ро́зумъ жôно́цькій!
Ты́ за дороги́ми напи́тками, бенке́тами уга-
ня́ешъ (71) —
Чôмъ ты Хмельни́цького не една́ешъ? (72)
Вже поча́въ вôнъ зе́млю кôньскими копыта́ми
ора́ти,
Кро́вью Молда́вською полива́ти! —
Тогди̂ Ляхи́ изъ го́рода изъ Соча́вы (73) утêка́ли,
Василю́ Молда́вському зна́ти дава́ли,

(70) Хо́тія — гор. Хотинъ. (71) За бенке́тами уганя́ешъ — за пирами гоняешься. (72) Една́ти — склонять (на свою сторону), единить. (73) Въ Буковинѣ.

То Васи́лій Молда́вськiй до Яссъ прибува́е,
Слова́ми промовля́е:
— Ой вы Яссы мои́, Яссы!
Були́ есте́ ба́рзо (74) кра́сны,
Да вже́ не бу́дете таки́,
Якъ прiйдутъ козаки́! —

То па́нъ Хмельни́цькiй до́бре учини́въ: По́льщу засмути́въ,
Воло́щину побѣди́въ, Гетьма́нщину звеселíвъ.

Въ той ча́съ була́ честь, сла́ва,
Во́йсько́вая спра́ва!
Сама́ себе́ на смѣхъ не дава́ла,
Непрiя́теля по́дъ но́ги шопта́ла.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ низовья Днѣпра тихiй вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, — козацкое войско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Святый знаетъ что̀, Хмельницкiй думаетъ - гадаетъ! — Не знали о томъ ни Сотники, ни Куренные Атаманы, ни Полковники. . . только Богъ Святый знаетъ что̀, Хмельницкiй думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подъѣхали къ Днѣстру, переправлялися черезъ при перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкiй. Какъ вступилъ онъ въ Хотинъ, остановился въ домѣ у старшаго Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому, и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Ба́рзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по Малоросiйски — дуже.

будешь биться или будешь мириться? или примешь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волóщины?“

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Потоцкому и говорилъ словами: »Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами! что ты найдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливать Молдавскою кровью!«

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, пріѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: »Яссы вы мои, Яссы! очень вы были крáсны! а ужъ не быть вамъ такими, какъ придутъ козаки!«

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетьманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топтала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг. 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гетьмана; онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см. *Бант. Кам.* ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю* Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Ивана Виговскаго;* а по словамъ Думы сей — Полковниковъ: Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или Лѣсницкаго), Кропивенскаго *Филона Чигал* (т. е. *Джел-*

жѣя или *Джеджелѣя*) и Кіевскаго *Волочая* (или *Адамовича*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захотѣли избрать 16-лѣтняго Гетьманича безталаннаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій отлучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, потомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣнически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговській Москву*. — Обманы его вполнѣ открылись дѣйствительно чрезъ полтора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

Зажури́лася Хмельни́цького сѣда́я голова́,
Що при ёму́ ни Со́пникóвъ, ни Полко́вникóвъ нема́:
Ча́съ прихо́дить умира́ти,
Нѣкому пора́ды (75) да́ти.
Покли́кне вóнъ на Ива́йа Луговського́
Пи́саря Вóйскового́:
„Ива́нъ Луго́вскій,
Пи́саръ Вóйско́вый!
Скорѣ́йше бѣжи́,
Да ли́сты (76) пиши́,
Щобъ Со́пники, Полко́вники до ме́не прибува́ли,
Хочъ ма́ло пора́ду дава́ли!“ —

(75) Пора́да — совѣтъ. (76) Ли́сты — письма, грамоты.

То Ива́нъ Луго́вськiй
Пи́сарь Во̂йско́вый,
Ли́сты писа́въ,
До всѣхъ розсыла́въ.
То Со́тники, Полко́вники, якъ и̂хъ прочита́ли,
Усе́ покида́ли, до Ге́тьмана Хмельни́цького скорѣйшь прибува́ли.
То Ге́тьманъ до́бре и̂хъ прийма́е,
Слова́ми промовля́е:
„Пано́ве молодцы̂! до́бре вы дба́йте,
Собѣ Ге́тьмана наставля́йте;
Бо я спа́ръ, болѣю,
Бо̂льше Ге́тьманомъ не здолѣю! . . .
Коли́ хо́чете, Пано́ве, Анпо́на Волочая́ Кiе́вського,
Або́ Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського;
Або́ Фило́на Чичая́ Кропивья́нського;
Або́ Марты́на Пушкаря́ Полта́вського.“
То козаки́ тее зачува́ли, смутно себе́ ма́ли,
Тя́жко вздыха́ли, слова́ми промовля́ли:
— Не тре́ба намъ Анпо́на Волочая́ Кiе́вського,
Ни Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського,
Ни Фило́на Чичая́ Кропивъя́нського,
Ни Марты́на Пушкаря́ Полтавського;
А хо́чемъ мы сы́на твого́ Юру́ся молодо́го,
Козака́ лестрово́го!
— „Во̂нъ, Пано́ве молодцы̂! молоды́й ро́зумъ ма́е,
Звыча́ѣвъ коза́цькихъ не зна́е!“
Бу́демъ мы спарыхъ люде́й би́ля (77) его́ держа́ти,

(77) Би́ля́ — подлѣ, возлѣ.

Бу́дуть воны́ его́ научáти, бу́демъ его́ до́бре поважáти,
Тебе́ бáтька нáшого, Гéтьмана споминáти! . . .
То Хмельни́цкій тéе зачувáвъ, велúкую рáдо̂сть собѣ́ мáвъ,
Сѣдóю головóю покло̂нъ отдавáвъ, слёзы проливáвъ.
Скóро по̂слѧ́ тóго ще й го̂рше Хмельни́цкій знемогáвъ,
Опрощéнье зо всѣ́ми пріймáвъ,
Милосéрдому Бóгу дýшу оддáвъ. —
То не чóрнѣ хмáры я́сне сóнце заступáли,
Не бýйныи вѣ́тры въ тéмно̂мъ лýзѣ бушувáли,
Козаки́ Хмельни́цького ховáли,
Бáтька свого́ оплакáли . . .
А молодóй Юрýсь по̂дъ Бѣ́лою-Цéрквою гуля́е,
Объ смéртнѣ опцéвськó̂й не зна́е,
Скóро лейтáры до его́ прибувáли,
Лúсты подавáли.
То Хмельни́ченко лúсты якъ прочитáвъ,
Свѣ́та Бóжого не взвидáвъ!

То не багáто Луго́вськiй гетьмановáвъ,
По̂вторá го́да булáву держáвъ.
Скóро Сóтники, Полкóвники прибувáли,
Юрýся Хмельни́ченка Гéтьманомъ поставля́ли:
„Дáй-же Бóже! козаки́ промовля́ли:
За Гéтьмана молодóго
Жúтнѣ якъ за спарóго,
Хлѣ́ба, сóли его́ вживáти, (78)

(78) Вживáти — употреблять (пищу или питья).

Города́ Туре́цькй плйндрова́ти (79),
Сла́вы, лы́царьства коза́цькому во́йську доспава́ти!

ПЕРЕВОДЪ.

Запечалилась Хмельницкаго сѣдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сотниковъ, ни Полковниковъ; приходитъ смертный часъ, а совѣта дать нѣкому! — Говоритъ онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши грамоты, чтобы ѣхали ко мнѣ Сотники, Полковники, хотъ мало бы мнѣ посовѣтовали!“ — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь грамоты писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сотники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я старъ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хотите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Костыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смутились они, тяжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Мартына Пушкаря Полтавскаго: а хотимъ мы своего сына, молодаго Юрья, козака реестроваго.“

(79) Плйндрова́ти (съ Нѣм. *plündren*) — грабить, разорять.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держать при немъ старыхъ людей. Будутъ они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминать тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ сѣдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляетъ подъ Бѣлою-Церковью, не знаетъ о смерти отцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣта Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманствовалъ: держалъ булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, ставили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ жить какъ при старомъ! видѣть его хлѣбъ-соль, разорять Турецкіе города, доставать казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не досша! шу пиръ докончаша храбрыи Русици, сваты попоиша, и сами полегоша за землю Руськую. Ни́чить трава жалощами, а древо съ ту́гою къ земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давній козакамъ устройство, раздѣлилъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекоманныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (*лестровые*) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — **ОХОЧЕКОМАННЫЕ** козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* (*) стали отходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Боплана.

И. — **КОМПАНѢЙЦАМИ** назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьѣ. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

К. — **СЕРДЮКАМИ** назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Бантыш-Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его пѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

(*) Посполитыми назывался простой народъ (*рѣчь*): изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не-грунтовые), назывались *сусѣдами* и *подсусѣдками*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНѢ КОНОВЧЕНКѢ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разбили ихъ подъ *Тягиномъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гетьмана *Куницкаго* (поставленнаго Собѣскимъ) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. *Лѣтоп.* Рубана). Корсунскій Полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близъ *Корсуня*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долина* не тоже-ли что и Черная долина? Городъ *Тягинъ* нынѣ селеніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингусцомъ и городомъ Берславлемъ (Кизикерманомъ,). Рѣчка *Тягинка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ Божіимъ* по тому повѣрью, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На сла́вно́й Украи́нѣ,
Усла́вно́мъ го́родѣ у Корсу́нѣ
Кли́кне, покли́кне Хвилоне́нко, Корсу́нський Полко́вникъ:
„Го́дѣ вамъ, пано́ве молодцѝ! домова́ти,
„Идѣ́те зо мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
„Сла́вы лыца́рьства коза́цькому во́йську достава́ти!“

От-тогди̂ по города́мъ не музы́ки выграва́ли,
Осау́лы во̂йськовы́и похожа́ли,
Ли́сты чита́ли, козако̂въ въ похо́дъ выклика́ли:
А хто бу́де пан-отцёвого — промовля́ли —
Недѣ́лешнёго обѣ́да дожида́ти,
Той бу́де Хвилоне́нка,
Корсу́нського Полко́вника,
Въ шести́ ми́ляхъ доганя́ти! —

У го́родѣ у Черка́сѣ жила́ вдова́ старе́нька,
Ма́ла собѣ́ (80) сы́на Ива́на вдовиче́нка Коновче́нка.
Вона́ те́е пе́рше (81) ёго́ зачува́ла,
До госпо́ды (82) на́йскорѣ́йше прибува́ла,
Усѣ́ ко́ни̂ изъ госпо́ды позсыла́ла,
Все ору́жье у ко̂мна́ту замыка́ла,
Къ до́му Бо́жому до це́ркви поспѣша́ла.
То Ива́сь одъ сна́ прочина́е по ха́тѣ погляда́е (83) —
Ажъ ни одно́и ша́бли̂ була́тнои,
Пища́ли̂ семипъя́днои
На стѣнѣ́ нема́е!
У ста́ню (84) ухожа́е, а на ста́нѣ ни одно́го коня́ вороно́го.
Во̂нъ не́ньку старе́ньку би́ля́ це́ркви доганя́е, слова́ми промовля́е:
„Не-до́бре ты, ма́ти, згада́ла;
Що всѣ ко́ни̂ изъ госпо́ды позсыла́ла,
Все ору́жье у ко̂мна́ту замыка́ла;
А лу́ччебъ ты, ма́ти, зроби́ла, (85)
До го́рода Крыло́ва одъѣзди́ла,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услыхала. (82) Госпо́да — домъ. (83) Пробуждается. (84) Ста́ня — сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Сто зло́тыхъ жиду́ оланда́рю (86) дава́ла;
У наря́дѣ до́брого коня́ купова́ла,
Мене́ молодо́го въ похо́дъ знаряжа́ла! —
„Ма́ешъ ты чоты́рй волы́ чабаны́и (87),
Два ко́нй отцёвськй вороны́и,
Мо́жешъ до́бре у Черка́сѣ пожива́ти,
Козако̂въ на хлѣ́бъ, на со̂ль заклика́ти.“
— Що́ менѣ́ съ то́го, що бу́ду я до́бре пожива́ти,
Бу́дуть мене́ козаки́ за хлѣ́бъ, за со̂ль поважа́ти!
То̂лько бу́дуть мене́, ма́ти,
На-по̂дпи́тку, гречкосѣ́емъ, домонта́ремъ (88) величати,
Коня́ мого́ приблу́дою называ́ти.
И вже́ менѣ́ не че́сть, не подо́ба (89) по ро̂лья́мъ (90) спотика́ти,
Жо́втыхъ чобо̂тъ каля́ти, (91)
Дорогі́и су́кнй пы́ломъ (92) набива́ти!
А хо́чется менѣ́, ма́ти,
По̂йти́ по̂дъ го́родъ Таги́ню гуля́ти,
Сла́вы лыца́рсьтва достава́ти! . . —
То те́е промовля́въ,
У не́ньки старе́нькои благослове́нья бра́въ,
Изъ до́му отцёвського поспѣша́въ,
На Черке́ню-доли́ну зъ козака́ми прибува́въ.

Не я́сенъ соко̂лъ на доли́нѣ по та́буру гуля́е,
Не бѣ́лая ле́бедь спѣва́е:

(86) Оланда́рь — арендаторъ. (87) Чаба́ный — выхоженный. Чаба́нъ — пастухъ. (88) Домосѣдъ. (89) Приличіе. (90) Роля́ — борозда, пашня. (91) Пачкать. (92) Пылъ — Пыль.

Полко́вникъ Хвилоне́нко похожа́е,
Слова́ми промовля́е:
„Копо́рый-то, пано́ве молодцй, коза́къ доро́дный (93),
Ще й ко́нь по́дъ ни́мъ воздо́бный (94),
По́йде за мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
Сла́вы лыца́рьства коза́цькому во́йську доспава́ти?“
То Ива́сь Коновче́нко те́е зачува́въ,
Напере́дъ всѣхъ благослове́нья прохава́въ (95).
„Ты дити́на, Ива́сю, молода́! полко́вникъ промовля́въ —
Ни на по́лѣ, ни на мо́рѣ не бу́ва́ло;
Смерти́ бі́ля се́бе не вида́ло,
Якъ звыча́и коза́цькй по́зна́ешъ,
Лу́чче тогдй погуля́ешъ.“
— Не всѣ старй пти́цй высо́ко лѣта́ютъ,
Не всѣ старй щу́ки карасе́въ хапа́ютъ,
Трапля́ется (96), ба́тьку, що крячя́ (97) мале́е
Ло́витъ ры́бку кра́сче нѣ́жъ старе́е. —
То Ива́сь те́е промовля́въ,
Зъ Полко́вникомъ на доли́ну выѣзжа́въ,
Двана́дцать Тата́ръ пере́дъ ме́чъ прини́въ,
Шѣсть на арка́нъ звъяза́въ,
Хвилоне́нку гости́нця подава́въ.
То Полко́вникъ бусурма́нівъ прини́ма́е,
Ива́ся Коновче́нка бі́ля се́бе сажа́е, сла́ву его́ выхваля́е.
То Ива́сь велику́ю ра́дость ма́е, слова́ми промовля́е:
„Благослови́ менѣ, ба́тьку, окови́тои (98) напи́ться,

(93) Способный (94) Удалый? (95) Просилъ. (96) Случается. (97) Крючокъ, ушка. (98) Окови́тая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣка́юсь съ бусурма́нами ще лу́чче побиться.“
— Не велю́ я тобѣ, сы́ну, оковитои напива́ти,
Да ишли́ съ бусурма́нами на доли́ну гуля́ти;
Коли́жъ вже ты хо́чешъ ей напива́ти,
То велю́ въ моёмъ намёшѣ ля́гти (99) спочива́ти. —
„Сей менѣ хмѣль не бу́де заважа́ти (100),
А бу́де моему се́рдцю смѣлости додава́ти.“

То не ви́хорь по Черке́нь-доли́нѣ гуля́е,
Не си́зый оре́лъ яспребо́въ ганя́е,
Вдовиче́нко Коновче́нко на воронóмъ конѣ розъѣзжа́е,
Мече́мъ своймъ якъ бли́скавка ся́е,
Трёхъ Татáръ-яничáръ зъ коней збива́е;
Тогдѝ ша́блю була́тну опуска́е,
Козака́мъ лыца́рьство свое́ выхваля́е,
Безпе́чне по доли́нѣ розъѣзжа́е,
Бусурма́нóвъ на смѣхъ пóдóйма́е.
То безбожни́ бусурма́ны тée зачува́ли,
Напило́го козака́ за́разъ пóзнава́ли,
Бóльше ёму́ по́ля гуля́ти попуска́ли,
Одъ та́бура коза́цького за́разъ отбива́ли,
Гнѣвомъ Бóжіимъ, саранчóю, на козака́ налѣта́ли,
Ша́блями, писто́лями сме́ртныи ра́ны дарова́ли,
Тóлько коня́ коза́цького не пóйма́ли. —
То до́брый кóнь до та́бура прибѣга́е,
По куренямъ гуля́е, го́стрыми копы́тами зе́млю копа́е,

(99) Ляга́ю, ля́гти — ложусь, лечь. (100) Тягощить. Ва́га — тяжесть.

Смутно ржучи, козака свого выкликае.
То Хвилоненко пее зачувавъ,
Изъ намета свого выступавъ, словами промовлявъ:
„Отъ-се вы, браттю, недобре зробили,
Що напилого козака гуляти пустили,
Мовъ вы сами его зъ свъта згубили.
Добре вы дбайте, оружье заправляйте,
Бусурмановъ одъ тъла козацького отбивайте,
Бо вже не-даромъ козацькій конь по табуру гуляе,
Мабуть Ивася Коновченка на свъті немае.“ —
То козаки пее зачували, на долину найскорѣйше
поспѣшали,
Бусурмановъ одъ тъла козацького отбивали,
Шаблями, надолками (101) суходолъ копали,
Шапками, припо́лами пе́рсть выбирали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
Въ семиднѣ пищали гремали,
У суремки жалобно выграваля,
Славу козацьку выхваляли. —

Скоро посля того стали козаки табуръ изнимати,
У городы христіянськи уступати.
То вдова спаренька
Мати Ивася Коновченка
Не у домъ ся-мала,
На базарѣ солодкій медъ выставляла,
Сына свого Ивася Коновченка выглядала.
Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.

(101) Надолокъ — заступъ?

Дру́га со́тня вступа́, самъ Хору́нжій попе́реду йде́,
Два козака́ коза́цького коня́ на повода́хъ веде́.
Вдова́ те́е забача́ла,
Жало́бныи слова́ промовля́ла,
Сла́вы, сме́ртй сы́на свого́ пиша́ла,
Всѣхъ козако́въ на хлѣбъ, на со́ль заклика́ла,
По́хороны и весе́лья Ива́сю отбува́ла,
Полко́внику коза́цького коня́ дарова́ла,
Спаршймъ ша́блй, пища́лй Ива́ся роздава́ла.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́,
Якъ одъ вѣтру на степу́ трава́!
Сла́ва не вмре́, не поля́же,
Лыца́рсьтво коза́цьке всякому розка́же! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2 й часши сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковскаго, въ собранiи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что видно и по самому ея складу. Произшествiе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣй былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣя сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей ославились въ Малороссiи и пословицы: 1) Добу́вся яκъ Шведъ по́дъ По́лта́вою, 2) Не пи́въ Полта́вськои воды́ (не испыталъ горя).

Ой ты гада́ешъ, Мазе́по, ты гада́ешъ измѣня́ти,
Ой ты хо́чешъ, ты хо́чешъ Царя́ одступа́ти!
Ой ты гада́ешъ, Мазе́по, въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А самъ хо́чешъ да на столи́цѣ царе́мъ царствовати!

Ой що взмо́вить Ге́тьманъ Мазе́па къ Палѣю Семе́ну:
—Ой Палѣю, Палѣю Семе́не! чи не зра́дишъ (102) ты ме́не?

„Ой я́къ же я́ ма́ю, Ге́тьмане Мазе́по, тебе́ изража́ти,
„Коли́ ты бу́дешъ, Ге́тьмане Мазе́по, до́бре почина́ти.“
— Я ду́маю, Палѣю́ Семе́не! въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А са́мъ хо́чу да на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти! —

„Впере́дъ-же ты бу́дешъ, Ге́тьмане Мазе́по, у стовба́ стоя́ти (*),
А не́жъ бу́дешъ на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти.“

Ой не зна́въ, не зна́въ прокля́тый Мазе́па якъ Палѣя́ зазва́ти;
Ой спа́въ же, спа́въ прокля́тый Мазе́па на бенке́тъ запроша́ти.

(102) Зража́ти — измѣнять (кому), предавать (кого). Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ столбу, было однимъ изъ позорнѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прієдь, прієдь, Палѣю Семéне!
Да на бенкéтъ до мéне! —

Ой скóро Палѣенко Семéнъ зъ своймъ вóйськомъ
пріѣзжáе,
Ой такъ скóро прокля́тый Мазéпа чáшу мéду вы-
сылáе.
Ой пьé Палѣй, ой пьé Семéнъ да голóвоньку клóнишь,
А Мазéпинъ чýра Палѣю Семéну кайданы́ гото́вишь.
Ой пьé Палѣй, ой пьé Семéнъ, изъ нóгъ извали́вся,
Бáрзо тому́ Гетьмáнъ Мазéпа стоя́ звеселúвся.
Ой якъ крúкне прокля́тый Мазéпа на свои́ гайдýки:
— Ой вóзьмѣте Палѣя Семéна да у тѣсныя рýки! —
Ой якъ крúкне прокля́тый Мазéпа на свои́ лейпáры:
— Ой вóзьмѣте Палѣя Семéна закýйте въ кайдáны!
Ой якъ крúкне прокля́тый Мазéпа на свою́ вóзницю:
— Ой вóзьмѣте Палѣя Семéна да вкúньте въ
темни́цю!
Не дáвъ Гетьмáнъ Палѣю Семéну ни пúти на ѣсти,
Докóль не вúславъ прокля́тый Мазéпа на сто-
ли́цю ли́сты.
— Оттó-жъ тобѣ, промовля́е, Царю́! есть Палѣй
измѣнникъ!
Вóнъ тебé хóче вже одступáти, въ пéнь Москву́
рубáти,
А самъ хóче да на столúцѣ царéмъ царствовáти. —

Обóзвéться Палѣй Семéнъ зъ тéмною темни́цѣ:
„Брéше, брéше (203) прокля́тый Мазéпа въ Царя́ на
столúцѣ!

(103) Брехáти — лгать, лаять, лáяти — бранить.

Отже́-жъ тобѣ́, да пра́ведный Царю́! самъ Ге́тьма́нъ измѣ́нникъ,
Вôнъ тебе́ хо́че вже одступа́ти, въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А самъ хо́че да на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти."

Ой що взмо́влять мосци́выи паны́ до пра́ведна Царя́:
Выпуска́й ты, да пра́ведный Царю́, Палѣ́я зъ темни́цѝ,
А то бу́дуть бусурма́ны Шве́ды на твоêй столи́цѣ.

═══

Да ще́ хмѣ́ль, да ще́ зелене́нькій на тычи́ну не зви́вся,
А вже́ Палѣ́й пôдъ Полта́вою изъ Шве́домъ поби́вся.
Да ще́ хмѣ́ль, да ще́ зелене́нькій голово́къ не зхили́въ,
А вже́ Палѣ́й пôдъ Полта́вою и Шведôвъ поби́въ.
Ой кли́кне, покли́кне да Коро́ль Шве́дській, на гарма́тѣ сто́я:
„Втêка́ймо скорѣ́йшь, Ге́тьмане Мазе́по, зъ Полта́вського по́ля!" —
Тогдѝ воны́ утêка́ли усѣ́ зъ-пôдъ Пôлта́вы. . .
Богда́й воны́ не дôжда́ли би́ться зъ козака́ми!

———

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДУМА ОДИНАДЦАЯ.

ОТЪѢЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомо́нъ гомо́нъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Литовскими пѣснями, и между Русскими (*Отецъ на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю ра́но-пора́но не у всѣ дзво́ны (104) дзвони́ли,
Якъ у вдо́винômъ дому́ гомонѣ́ли.
Лихі́й во̂тчимъ коза́ченька молодо́го ла́е,
Ма́ти сы́ну слѣ́зно промовля́е:
Иди́ ты, сы́ну, мѣ́жъ чужі́и лю́де,
Чи не лу́чче тобѣ́ на чужи́нѣ бу́де?
Нехай (104') тебе́ чужі́й ба́тько, сы́ночку, не ла́е,
Сча́стя твого́ коза́цького на-вѣ́къ не збавля́е!

Тя́жко, тя́жко мнѣ́ тебе́
Зъ до́му одправля́ти,
А ще́ тя́жче бі́ля се́бе
Въ снего́дьи держа́ти!
Хочъ по́йдешъ ты на чужи́ну —
Слёзы мнѣ́ ли́ти;
Хочъ зоста́влю тебе́, сы́ну —
По всякъ ча́съ тужи́ти!...

(104) Дзво́нъ — колоколъ. (104') Нехай, хай — пусть, не-замай (въ Библіи — небрани).

То ста́ршая сестра́ коне́нька выво́дить;
Що найменша рыда́е,
Слова́ми промовля́е:
Изъ яко́и тебе́, бра́те,
Сторо́ноньки жда́ти?
Чи одъ чи́стого поля,
Чи одъ Чо́рного мо́ря,
Чи одъ сла́вного Запоро́зья?

„Возьми́ ты, се́стро, жо́втого пе́ску́,
Да посе́й ты, се́стро, на бе́лому ка́мнѣ:
Коли́ бу́де жо́втый пе́со́къ выроста́ти,
Зеле́нымъ барвíнкомъ ка́мѣнь устила́ти!
Въ той ча́съ бу́ду, се́стро, до ва́съ прибува́ти!
Бо якъ тя́жко на безво́дьи ры́бѣ пробува́ти,
Такъ тя́жко на чужи́нѣ безро́дному прожива́ти!“

То те́е промовля́въ, на коня́ се́да́въ, опроще́нье
пріймáвъ,
Сму́тно зъ двора́ опце́вського коза́къ выѣжа́въ.
До́вго воны́ на моги́лѣ край села́ споя́ли:
До́вго, до́вго коза́ченька во́чьми прова́жа́ли, —
А ще до́вше воны́ ёго́ до́ма оплака́ли.

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

Не си́за зозу́ленька въ те́мно́мъ лу́зѣ кува́ла,
Не дро́бная пта́шка въ садку́ щебета́ла,
Сестра́ зъ бра́томъ изъ-дале́ка розмовля́ла,
Покло́нъ посыла́ла:
„Бра́тйку мо́й ми́лый,
Якъ голу́бонько си́зый!
Прійди́ до ме́не изъ чужо́и стороны́,
Посѣщи́ мене́ при лихо́й годинѣ!“
—Се́стро моя́ ро́дне́нька,
Якъ голу́бонька сизе́нька!
Якъ я ма́ю прибува́ти,
Тебе́ навѣща́ти,
За те́мными за лѣса́ми,
За да́льными за степа́ми,
За бы́стрыми за вода́ми? . . .

„Чере́зъ те́мный лѣсъ я́снымъ со́коломъ лети́,
Чере́зъ бы́стрыи во́ды бѣ́лымъ ле́бедемъ плыви́,
Чере́зъ степы́ дале́кіи перепе́лочкомъ бѣжи́,
На моемъ, бра́те, подво́рьй ты голубо́нькомъ пади́,
До́бре сло́во взговори́,
Мое се́рдце сиро́тське звеселй!
Чужи́, бра́те, се́стры зъ до́му Бо́жого иду́ть,
Всѣ якъ бчо́ле́нки (105) гуду́ть,

(105) Бчола́ или бджола́ — пчела.

На хлѣбъ, на сôль людéй закликáють,
Менé-жъ, брáте, слóвомъ не займáють,
Мовъ въ вôчи не знáють . . .
А якъ колú-сь зъ нáми хлѣбъ-сôль повожáли,
Въ той чáсъ кумáми, побратáми звáли;
А якъ пристúгла несчáстна годúна —
Назвáна и крôвна одреклáсь родúна. . . .“

КНИГА ВТОРАЯ.

ПѢСНИ КОЗАЩКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина́, що и дѣ́янье:
Синему морю на ушѝшенье,
Быстрымъ рѣка́мъ слава до́ моря,
А добрымъ людямъ на послу́шанье,
Веселы́мъ мо́лодцамъ на погу́дочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга; а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *бро́дники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только шѣмъ вашагамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдавянъ: *га́йда* — пошёлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *га́йда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — КРАВЧИ́НА: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шитьемъ *кожуховъ* (тулуповъ), былъ *кравѣцъ* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ пропавниковъ, что и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—38) отдалило слишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Руськую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родственнаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она составляла древній періодъ нашей Исторіи, и потомъ вмѣстѣ съ ними сто лѣтъ влачила тяготу ярма Татарскаго. — Въ то время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ *у поганой Татарвы*, и Украиною овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русичей* на Татаръ и на Крижáковъ. Потомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (Pacta Conventa, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, punctum saliens *Великой Россіи;* и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиналось *Козачество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою чертою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — приставъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ составленію *Козачества* за Порогами Днѣпровскими — тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ родилась дружная, отважная, холостая вашага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ мамери, ибо для нея была *Сѣчь матн, а великій Лугъ батько*. Козаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы и добычи, и всякой выходецъ — кнобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ* ихъ.

Двѣ стихіи сіи, т. е. *Азіятски-наѣздническая* и *Грекохристіянская*, глубоко приняты были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣздническій воспитали въ немъ непрестанныя схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіянство и *письме́нство*. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоитъ въ угрюмой, сколь способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Русское* море, и въ *грустномъ безпечьи*, къ коему расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ — *Земля Руская*, *Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Червленную *(Красную) Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Рускимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Рускому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской Поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никон. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1239) „лѣта Баатый нача посылати рать на грады Рускіе, и взяша „градъ *Переяславль Рускій* иже къ *Кіеву*." Переяловъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ отличіе отъ Переяслава Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Былевыя пѣсни

о временахъ козачества доуніатскихъ.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва — не вмре́, не поля́же,
Лы́царьство коза́цьке всякому розка́же! . .

Дума X.

Замѣчаніе I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу переселивало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхе́тное*. — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣзднка*, сталъ называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ лѣтописи — на Украинѣ было столько, сколько и людей: „речетъ старшій слово, абіе войска числомъ аки права „будетъ!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* представляло собою *рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками *Венжикъ* (*Венцеславъ*) *Хмельницкій*, *Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *той бѣ Слава дней своихъ!* Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Баторія (или *Батыря*) получилъ титулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Сѣрыга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжали на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонтѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гетьмана, послѣдовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ того Пáна Ивáна,
Що Свѣргóвського Гетьмáна,
Да якъ бусурмáны пôймáли:
То гóлову ёму рубáли,
Ой гóлову ёму рубáли,
Да на бунчýкъ вѣшáли,
Да у сýрмы выгравáли,
Зъ ёго глумовáли.

А изъ нúзу хмáра стягáла,
Що вóронôвъ клю́ча набѣгáла,
По Украúнѣ тумáны клáла;
А Украúна сумовáла (106) —
Ой Украúна сумовáла,
Свогó Гéтьмана оплакáла.

Тодй бýйнй вѣтры завывáли.
— Дé-жъ вы нáшого Гéтьмана сподѣвáли?

Тодй крéчеты налéтáли.
— Дé-жъ вы нáшого Гéтьмана жалковáли?

(106) Сумовáти — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Старины кн. I. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, надѣясь дополнить ихъ при помощи моихъ читателей.

Тодѝ орлы́ загомонѣ́ли (107).
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана зхорони́ли?

Тодѝ жайворо́нки повили́ся.
— Де́-жъ вы изъ на́шимъ Ге́тьманомъ простили́ся?

У глыбо́кôй у моги́лѣ,
Бѝля́ го́рода бѝля́ Ки́ліи,
На Туре́цькôй ли́нѣи!

Переводъ.

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; то рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья тянулась туча, набѣгала что стая вороновъ, и стлала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гетьмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда налетали кречеты . . . Гдѣ вы тужили по нашемъ Гетьманѣ? — Тогда закричали орлы.... Гдѣ вы схоронили нашего Гетьмана? — Тогда повились жаворонки . . . . Гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетьманомъ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Киліи, на Турецкой линіи.

(107) Го́мôнъ — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у го́родѣ у Черка́сѣ су́рмы засурми́ли,
Якъ тѣ Ля́шськи́ комиса́ры до Ге́тьмана приходи́ли.

Ой у го́родѣ у Черка́сѣ бу́бны заора́ли,
Якъ тѣ Ля́шськи́ комиса́ры до Ге́тьмана прибува́ли.

Ой заржа́ли ко́ни́, ко́ни́, да по́дъ го́ру йдучи́,
Заголоси́ли бусурма́ны до Ки́ліи ѣдучи́.

Опъ, якъ па́нъ Свѣрго́вськiй до Ки́ліи прибува́въ,
Усѣхъ козако́въ збира́въ, да на Радѣ прохва́въ.

Си́зымъ о́рликомъ ле́та́въ, яворо́нькомъ гну́вся:
— Де́-сь то я, мои́ ми́лы бра́тья, да й сподѣну́ся?

Сподѣну́вся панъ Свѣрго́вськiй у сыро́и моги́лѣ,
Якъ козаки́ би́ля́ его да загомоне́ли!

3.

Ой панъ пы́шный, панъ Свѣрго́вськiй,
А ще дру́гiй панъ Зборо́вськiй,
А ще тре́тiй Морозе́нко,
А четве́ртый панъ Горле́нко.

Що зъ Воло́хами Ту́рокъ дере́ться
А зъ Тапа́рами Во́лохъ бье́тся.
Да Воло́ськи́ зе́мли́ руйну́ютъ,
Пли́ндру́ютъ ще и не милу́ютъ.

Не то ба́тенько сы́на прощ́авъ
Ша́блю да збро́ю дава́въ;
А то ма́ти сы́на выпровожа́ла —
Що слѣзьми́ опроще́нье дава́ла,
Що на го́ре собѣ его́ выгодова́ла.

4.

Пла́кала спара́ ба́ба Грици́ха,
Мо́въ перепели́ха, мо́въ перепели́ха.

Молода́ сеспра́ со́нъ-праву́ (108) прва́ла,
Спару́ю пыпа́ла, спару́ю пыпа́ла:

— Чи той со́нъ-права́ коза́цькая си́ла?
Чи той со́нъ-права́ коза́цька моги́ла?

„Ой той со́нъ-права́, голу́бонько, зроспи́вся у по́лѣ,
Да по́има́ла ту праву́ недо́ля, да дала́ моёй до́нѣ.

Ой до́ню-жъ, до́ню, моя́ до́ню! го́дѣ сумова́ти,
Що на́шого молодо́го Йва́на въ моги́лѣ шука́ти! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗЕ́НКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ: и только основываясь на семъ, я помѣщаю здѣсь пѣсни объ этомъ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Исторіи Морозенко мнѣ неизвѣстенъ.

5.

Ой Моро́зе, Морозе́нку, ты сла́вный коза́че!
За тобо́ю Морозе́нкомъ Украи́на пла́че.

(108) Эта могильная *сонъ-трава*, разцвѣтающая весною, принадлежитъ къ роду Анемона (Anemone patens). — Анемоны, по Греч. Мие., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ-травѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́ти — искать.

Не такъ тая Украйна якъ те горде войсько . . .
Запла́кала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годѣ, годѣ, Морозихо, по сынѣ тужити;
Ходѣмъ зъ нами козаками меду, вина пити!

„Чого́-сь менѣ, милы братья, медъ, вино́ не пьется:
Ой де́-сь то мой Морозе́нко да вже́ зъ Туркомъ бьется!

Опъ, зъ-за горы, изъ-за кручи (111) горде войсько выступае—
По-сам-передъ Морозе́нко сивымъ коне́мъ выграва́е.

Склонивъ-же вонъ голо́воньку своему́ коню́ на гри́воньку:
— Бѣдна-жъ моя́ голо́вонька! се́ чужа́я сторо́ноньку! (*) —

А въ на́шого Морозе́нка черво́ная стро́чка (112):
Де́ проѣде Морозе́нко — крова́вая рѣчка.

За рѣчкою за Лима́номъ поко́паны шанци́ . . .
Взяли́, взяли́ Морозе́нка въ недѣленьку вра́нцѣ.

Посади́ли Морозе́нка на шесово́мъ сто́льцѣ:
Зняли́, зняли́ зъ Морозе́нка зъ черешо́въ (113) черво́ньци́.

Посади́ли Морозе́нка на жовто́мъ пѣсо́чку:
Зняли́, зняли́ зъ Морозе́нка крова́ву соро́чку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ го́рода, знач. еще и рынокъ; мѣсце — мѣсто. Горо́дъ — огородъ. (111) Кру́ча — крутизна. (112) Стро́чка — лента узкая и строчка. (113) Че́решъ, черешо́къ — че́резъ, въ коемъ носили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей куплетъ встрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одномъ изъ пяти варіянтовъ сей пѣсни Морозенко представленъ Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — *зъ Ляшеньками бьется*, и конецъ пѣсни такой:

Воны-жъ ёго́ а ни би́ли, ни въ чвёрши́ руба́ли, (115)
Тôльки зъ ёго́ молодо́го живцёмъ се́рдце взя́ли.

6.

Въ недѣленьку ране́сенько, да ще́ до схо́дъ со́нця,
Ой пла́кала Моро́зиха, си́дя у вôко́нця.

Морозе́нко коза́ченько якъ ма́къ розпука́вся,
Морозе́нко коза́ченько въ нево́лю попа́вся! —

— Продава́йже, мату́сенько, волы́ да коро́вы,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ тя́жкои нево́ли!

Продава́й же, мату́сенько, быки́ да теля́ци́,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ сыро́и темни́ци́.

Не ла́й мене́, мату́сенько, гро́зными слова́ми,
Схамене́шся и обо́лье́шся дро́бными слёзами....

Да вяжи́, вра́жа Тапарю́го, наза́дъ ру́ки сту́га,
Бу́де на ва́съ, коза́ченьки, вели́ка пошу́га (116)!

Ой по́йду́ я въ чи́сте по́ле на Са́воръ-моги́лу;
Ой гля́ну я, подивлю́ся на свою́ Вкра́йну!..

(115) Т. е. черновершовали. Чве́ршь, чве́ршк — четверть. (116) Пошу́га — отрада. Ту́га — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружнаго*, столь прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богда́не, Богда́не, Запоро́зській Гетьма́не!
Да чому́-жъ въ чо́рно̂мъ хо́дишъ, да въ чо́рно̂мъ оксами́тѣ? (117)
— Гей, були́-жъ въ ме́не го́сти̂, да го́сти̂ Татаро́ве:
Одну́ но̂чъ ночова́ли: стару́ не́ньку заруба́ли, а миле́ньку собѣ́ взя́ли.
Ге́й, сѣдла́й хло́пче коня́, коня́ вороно́го,
Тата́ръ швы́дко доганя́ти, миле́нькую одбива́ти!
Ге́й, у чисто̂мъ по́лѣ тамъ Тата́ре ночують и вече́рю готу́ють (118);
Тата́ринъ по та́бору хо́дить, миле́ньку за ру́чку во́дить.
Ге́й, одсу́нься, миле́нька, неха́й забью́ Татаре́нка! —
— „Чи забье́шъ, чи не забье́шъ, то̂льки мене́ зъ ума́ зведе́шъ!
Чи влу́чишъ, чи́ не влучишъ, то̂льки мѣшка́нья (119) розлу́чишъ.
Ой сѣдла́й, ми́лый, коня́: ты́-жъ не мо̂й, я не твоя́!
Гей, коли́ жива́ бу́ду, то я́ тебе́ не забу́ду!“

(117) Оксами́тъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Готу́ю — готовлю. (119) Мѣшка́нье — сожитіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, столь извѣстнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Полкозы*. Такія двойныя фамиліи часто бываютъ у Малороссіянъ (изъ 8 й Думы видно, что Полк. Адамовичъ назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Волочаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Господарство, но измѣнически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Ка́невѣ товарищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который постригся 1579 въ монахи Ка́невскаго монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ шля́хомъ* дорога, идущая отъ Ка́нева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежи́тъ *Га́ся*, проспягла́ся — я́къ устпа́не, не́ба достпа́не?

8.

Охъ и си́ла, си́ла, си́ла си́лу подоле́ла:
Серпяго́вй да у Львове́ споде́лась моги́ла.

Споде́лась моги́ла... я́къ Воло́хамъ лю́бо!
Припина́ли (120) да Серпя́гу до сухо́го ду́бу.

Ой Воло́хи, ой Воло́хи! зъ чого́ жъ его́ зва́ли,
Що козака́мъ Запоро́зьцямъ да изра́ду (121) да́ли?

Да изра́ду да́ли Господарю́ сво́му —
Ой Ге́тьману Серпя́говй до́бре було́ й до́ма.

(120) Припина́ти — прикрѣплять. (121) Изра́да, зра́да — измѣна, предательство. Зра́да значитъ и *гибель*.

Поминáйте-жъ лúхомъ Господаря́ сво́го —
Чи вôнъ до́брый, чи вôнъ злю́ка, ой що́ вамъ до пи́го!

Хочъ вôнъ до́брый, хочъ и злю́ка, абы́ не падлю́ка (122).
Припинáйте-жъ да Серпя́гу до сухо́го су́ка!

Що Серпя́га, що Серпя́га — бра́та Жа́ха ма́е,
Да вôдъ бра́та, да вôдъ Жа́ха помúнъ сподѣва́е (123).

Перевод.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягѣ во Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господарство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягѣ хорошо было и у себя.

Поминайте-жъ лихомъ своего Господаря . . . добръ ли онъ, золъ ли, что̀ вамъ до того! . . .

Хошь онъ добръ, хошь и золъ — только бъ не подлецъ. Вяжите-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . . у него есть братъ Жахъ, — и онъ браша, онъ Жаха онъ ждетъ себѣ помина.

(122) Падлю́ка (па́дло) — подлецъ, собственно же падаль. (123) Сподѣва́тися, надѣяться.

9.

Ой зъ го́рода изъ По́лта́вы (*) выѣзжа́ли коза́ки.
Усѣхъ було́ при та́боры, да всѣ три одна́ки.

У пе́ршому у та́борѣ усѣ лестровы́и,
У дру́гому у та́борѣ усѣ хорунжи́и,
У тре́тёму у та́борѣ усѣ куре́нны́и.

Ой ѣхали-жъ воны́ три дни́ й три но́чи́ въ Поку́тьѣ;
Ой на тре́нню да ура́ньцѣ (123) тре́ба въ Ме́рджѣ бу́ти.

А въ го́родѣ да у Льво́вѣ зашуме́ли ве́рбы:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть — Серпя́га то ме́ртвый.

Ой въ го́родѣ да у Льво́вѣ задзвони́ли дзво́ны:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть, пра́влять похоро́ны.

А въ го́родѣ у Ка́невѣ, да й заголоси́ли,
Що Серпя́гу у моги́лу ти́хо положи́ли.

Ой Серпя́гу положи́ли, да и захова́ли;
Да помѝнъ по Украи́нѣ, помѝнъ во́дправля́ли.

(123) Ура́ньцѣ, вра́ньцѣ — поутру; ра́нокъ — утро.
(*) Прежняя Полтава находилась на р. Голтвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, 1589. Пѣсню сію я отношу къ нему, и не знаю кому бы она шла болѣе.

10.

Ге́й, зъ у́стни̂ (124) Днѣпра́, да до верши́ны
Сêмсо́тъ рѣчо́къ и чоты́ри̂,
Да усѣ́ воны́ да у Днѣпръ впа́ли,
У Днѣпръ пра́вный несказа́нный! —
Да повѣ́йте, вѣ́тры низовы́и,
Ой на па́русы безодны́и (125)!
Ой сиди́ть коза́къ да на де́менѣ (126),
И вôнъ де́меномъ поверта́е,
И на Чо́рне Мо́ре погляда́е:
Ой плыве́ судно́, одни́мъ-одно́,
Въ ёму́ Ту́рчинъ сиди́ть зъ Турке́нею,
А Турке́ня сиди́ть, вона́ не гуля́е,
Шовко́венькій рушничо́къ (127) вышива́е.
Ой кому́ сей рушни́къ бу́де —
Ой чи Ту́рчину, чи Тата́рину,
Ой чи козако́ви̂ молодо́му?
— Ой се бу́де Кошово́му молодо́му.

---

(124) Устня — устье. (125) Безо́дный — бездонный. (126) Де́менъ — корма. (127) Рушни́къ — полотенцо.

ОТРЫВОКЪ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому, бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венчеслáвъ на коню́ гуля́ти,
А повѣсивъ черéзъ плéчи да сайдáкъ * багáтый.
Грай мóре, Чóрне Мóре!
Гáла, гиды, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Былевыя пѣсни о временахъ козачества отъ возстанія противъ уніи до смерти Богдана.

Въ той часъ була́ че́сть, сла́ва;
Во́йско́вая спра́ва:
Сама́ себе́ на смѣхъ не дава́ла,
Непрія́теля по́дъ но́ги топта́ла.

Дума VIII.

Замѣчаніе II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ притѣсненія, которыя Украинѣ стала наносить Польша, частію по своему уронy отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего второго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христофоръ Косинскій*, вызвавшись быть Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гетьманы *Павелъ Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, затихли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, столько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провелъ съ ними подъ Переяславомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). *Сулима*, *Павлюкъ*, *Остраница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновій Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ того онъ въ 1654 году поддался Царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переяславѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Чит. Бант. Ком. II. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у го́родѣ Могилевѣ ды́момъ потя́гну́ло.
Якъ те во́йсько Запоро́зське зъ гарма́тъ да ревну́ло.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ да ста́лося пу́сто,
Якъ повѣ́яли коза́ки зъ самопа́ло́въ гу́сто.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ орлы́ да гадю́ки (128) —
Ля́цькимъ ше́ломъ году́ются, Ля́цьку ше́лу ра-
ду́ются.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ, що пни́ да коло́ды...
Прилучи́лося, бачъ, ли́хо Ля́цько́ви поро́дѣ.

Не тако́е ще́-бъ ли́хо, якъ та́я позо́ра,
Що хо́дитъ по бѣ́лу свѣ́ту зъ двора́ да до дво́ра.

Не такъ та́я позо́ра, якъ коза́камъ пора́да . . .
Що, Кравчи́ну (129) шану́ючи, Ляха́мъ дала́сь зра́да.

Дала́сь Ляха́мъ зра́да изъ са́мого ра́на,
Одъ Ге́тьмана Наливайка, шано́вного Па́на.

Переводъ.

Въ городѣ Могилевѣ потянуло дымомъ, какъ Запорожское войско грануло изъ пушекъ.

(128) Гадю́ка — змѣя. (129) Кравчи́на — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ стало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли густо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да зміи: Ляшскимъ тѣломъ пишаются, Ляшскимъ тѣломъ пошѣшаются.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды... приключилося, вишь, лихо Ляшской породѣ!

Не такъ-то еще лихо, какъ тотъ позоръ, что ходишь по бѣлу свѣту отъ двора во дворъ.

Не такъ еще и позоръ, какъ та отрада козакамъ, что гибель, минуя Запорожское войско, постигла Ляховъ.

Постигла Ляховъ гибель съ самаго заранья, отъ Гетьмана Наливайка, досточтимаго пана!

12.

О смерти Наливайка, который попался въ плѣнъ Жолкевскому при Лубнахъ. Кто такой былъ Игнатъ *Голый*, столь прославляемый въ пѣсняхъ, по Исторіи не видно.

Слáвна стáла тá Кравчúна якъ на Пóльщу стáла,
Вовкулáкамъ, Кателúкамъ (130) мстúючи зрáду дáла.

Тýю зрáду, тýю зрáду, що въ мурѣ, въ темнúцѣ,
Зъ Наливáйка позычáла (131) якъ зъ бѣдной вдовúцѣ.

Вдóвинъ сы́ну, вдóвинъ сы́ну! éще въ тéбе брáтья,
А въ братóвъ твоúхъ козакóвъ багáцько завзáтья (132)! —

(130) Вовкулака — упырь, оборотень. Слово Кателикъ у Козаковъ было самое поносное. (131) Позычати — брать взаймы. (132) Багато — много; багацько — множество. Завзятье — отвага, удальство.

Зходи́лися всѣ коза́ки, Ра́ду положи́ли,
Да на Ра́дѣ на Поля́кôвъ похо́дъ присуди́ли.

Розходи́лися коза́ки изъ свое́и Ра́ды,
Выбира́ли зъ-пôдъ камѣньѣвъ вели́кіи кла́ды.

Кла́ды продава́ли, самопа́лы купова́ли;
Купова́ли самопа́лы, въ похо́дъ выступа́ли.

А попе́реду всѣхъ Го́лый — со́коломъ лѣта́е;
На ко́ніку вороно́му жа́хомъ выгравае (133).

Привершта́ли козаче́ньки по-ра́ну до Слу́чи,
Да зъ гарма́ты густова́ли Капели́кôвъ зву́чи.

А Ляхи́ й почу́ли, увъ опвѣтъ ревну́ли —
Бо-да́й-же (134) имъ тя́жко й ва́жко, що воны́ ревну́ли.

Що воны́ ревну́ли, бѣду́ провѣща́ли;
А коза́ки Гайдама́ки ду́мали й гада́ли.

Ду́мали й гада́ли, ду́мали й гада́ли;
Тя́жко, ва́жко за Ге́тьманомъ своймъ сумова́ли.

А въ Варша́вѣ да на Ра́дѣ да су́дьи суди́ли;
Да запали́ти Налива́йка въ волу́ — присуди́ли.

Присуди́ли Налива́йка да Ляхи́ спали́ти,
Присуди́ли козаче́ньки Ляха́мъ вôдомсти́ти! —

(133) Носится, какъ страхъ. (134) Бог-да́й или бо-да́й — пусть, да будетъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чу́ра, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ отмщеніи за него взывающій къ козакамъ, сбирающимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошеваго *Сулимы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про Гетьманство Потоцкаго и двукратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ го́родѣ въ Башу́ринѣ дзво́ны задзвони́ли:
То коза́ки Гайдама́ки у Ра́дѣ ради́ли.

Ой у Ра́дѣ да ради́ли, якъ на По́льщу ста́ти,
Да на Ра́дѣ присуди́ли Вкра́йну ѣдна́ти.

Опъ и вы́йшли Гайдама́ки, хочъ ты́сяча й двѣсти́,
Да бага́цько да за ни́ми зведе́тся коры́сти!

А попе́реду па́нъ Сули́ма Опа́манъ Кошо́вый —
Чого́-жъ жа́ху завдава́ти, що во́нъ чорнобро́вый?

Панъ Сули́ма, панъ Сули́ма козако́въ збира́е,
Да й усѣмъ тѣмъ Гайдама́камъ во́нъ та́къ промовля́е:

„Това́риши Гайдама́ки, чинѣть мою во́лю!
„Що намъ тре́ба во́дплати́ти Вкра́йньску недо́лю.

„Хочъ насъ, паны́ Гайдама́ки, и ты́сяча й двѣсти́;
„Да бага́цько да за на́ми зведе́тся коры́сти!

„Ой бага́цько да корысни́й зведе́ться за на́ми,
„Коли́ захо́чете поби́ться бу́чно (135) изъ Ляха́ми.“—

Якъ на те́е обо́зва́вся Лободо́вський чу́ра;
До козако́въ уклоня́е, отъ-та́къ промовля́е:

— Ой пано́ве Гайдама́ки, до́бре себе́ ма́йте —
Що за мого́ па́на Йва́на Ляха́мъ во́домща́йте!

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, де́-сь то ты́ зобга́вся,
Що на Ляхо́въ спа́въ завпе́рше (136), да и не сподѣва́вся!

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, Налива́йко́въ дру́же,
Що зада́въ зъ нимъ зра́ду Ляха́мъ, зада́въ — да й байду́же (137)! . . .

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, де́-сь то ты́ сподѣвся,
Що у мурѣ́, у темни́цѣ Ляха́мъ знадоби́вся!

Ой пано́ве Гайдама́ки, па́на Йва́на зпомяне́йте,
Да за мого́ па́на Йва́на Ляха́мъ во́домсте́йте!

Коли́ хо́чете Вкра́йну до се́бе ѣдна́ти,
То вамъ тре́ба па́на Йва́на добро́мъ помина́ти.

Якъ Вкра́йну ті́и Ля́хи до се́бе ѣдна́ли;
Тоді́ на́ши зъ па́номъ Йва́номъ въ похо́дъ выступна́ли.

Якъ Вкра́йну ті́и Ля́хи до се́бе ѣдна́ли,
Тоді́ на́ши зъ па́номъ Йва́номъ Ляхо́въ воюва́ли.

(135) Бу́чно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Байдуже, сѝлькѝсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхо́въ воюва́ли, якъ по Бу́гу спа́ли;
Да Гетьма́на Попо́цького двочи́ заганя́ли.

Ой и Ляхо́въ воюва́ли, якъ по Пру́шу спа́ли;
Того́ було́ що й Цоцо́ру до́бре плиндрова́ли.

До́бре було́, до́бре було́, да спа́лася зра́да.
Що забито па́на Ива́на у недѣлю зра́на, . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМѢ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, который предался Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Голымъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старинъ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Иванѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынѣ и отцѣ, предавшихся Полякамъ подъ Каневомъ предъ битвою Чигиринскою (1596); Тетеренко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Случаемъ*.

14.

Ой бу́въ въ Се́чѣ спарты́й коза́къ прозва́ніемъ Ча́лый;
Выгодовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не захотѣвъ да панъ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Во́нъ по́йшо́въ-же до Ля́шенько́въ сла́вы залучи́ти.

Ой во́нъ по́йшо́въ до Ляше́нько́въ слу́жбы во́дправля́ти,
Изъ Ляха́ми Правосла́вну Це́рковъ руйнова́ти.

Зби́ра́лися Запоро́зцѣ, всѣ въ Ра́ду захожа́ли;
За похо́ды туды́-сюды́ про-мѣ́жъ се́бе рахова́ли.

Усѣ прійшлй, усѣ прійшлй, одного немáе;
Ой чóмъ тебé, бáтьку Чáлый, у Рáдѣ немáе? —

„Чого́-жъ менѣ, да пано́ве, у Рáду ходи́пи?
Що хóчете мого́ Сáву навѣки згуби́пи.

Хочъ спáвъ собѣ вонъ до Лáхóвъ . . . да вжé-жъ, сы́нку мúлый,
Чому́ ты спáвъ, чому́ до нáсъ такíй спáвъ спѣсúвый? “

— Ой спѣсúвый, не спѣсúвый — пáны кажу́ть — Сáва . . .
Да недóбра, зурúвочна спáла ёго́ слáва.

Що не тóльки да панъ Сáва Цéрковъ да руйну́е;
Изъ бѣсáми спáвъ за-прáво, й бáрзо знахорю́е, —

Обóзвáвся на тé Гóлый, кáже: дóбре знáю,
Ой я того́ нáна Сáву у рýки пóймáю!

Опъ и спáли да пано́ве Рáду розсучáли;
Своúхъ кóней посѣдлáли, въ похóдъ выспупáли.

Ой бувъ Сáва, да ѣвъ сáло да всé паляни́цй;
Не кохáвъ Сáва молодúхъ дѣвчáпъ, да всé молоди́цй.

Не кохáвъ Сáва да козакóвъ, да всé Кашели[illegible] —
Загубúвъ Сáва, пропесáвъ Сáва свою вѣру нáвѣки.

Ой бувъ Сáва въ Немúровѣ въ Лáхóвъ на обѣдѣ;
И не знáе, не вѣдае о своéи бѣдѣ.

Ой пье Сáва и гуля́е, Лáхомъ вырубáе,
А до ёго що до Сáвы гонéць пріѣзжáе.

— А що́ ты тутъ, малы́й хло́пку! чи всé гара́здъ
дóма? —
— „Пропóпшана, пáне, спéжка до вáшого двóра.

Да всé гара́здъ, да всé гара́здъ, усé хорошéнько:
Выгляда́ють Гайдама́ки зъ-за горы́ частéнько!“

— Отъ-то́ лúхо, выгляда́ють! я́жъ йхъ не бою́ся!
Хиба́жъ нема́ въ мéне вóйська? я́ не забарю́ся.

Сѣдла́й, хло́пку, сѣдла́й, малы́й, кона́ вороно́го;
Поѣдемо мы до-дóму хоча́ насъ немно́го. —

Ѣде Са́ва зъ Немúрова на воронóмъ ко́ню...
А прiѣхавши, гада́е да про свою́ до́лю.

— Ой ты-жъ, до́ле — ка́же Са́ва — щерба́тая до́ле! —
Питáется челя́доньки: чи всé гара́здъ дóма? —

„Гара́здъ, гара́здъ, пáне Са́во! ще лу́чче зъ тобóю,
Якъ тебé мы поба́чили на воронóмъ ко́ню.“ —

Ой сѣвъ Са́ва въ кóнцѣ спола́, да лúстоньки пúше;
А Са́виха на лѣ́жоньку дипúну колы́ше. —

Сидúть Са́ва, лúсты пúше, Са́ва ду́мку дба́е;
Отъ вже Са́ва, да панъ Са́ва, га́дку замышля́е:

— Пóди́, дѣ́вко, у пивни́цю упочи́ горѣ́лки,
Ой нехай-же я напью́ся за здоро́вье жóнки.

Пóйди́, дѣ́вко, у пивни́цю да принеси́ пúва,
Ой нехай-же я напью́ся да за свого́ сы́на.

Пóди́, дѣ́вко, у пивни́цю внеси́ менѣ́ мéду:
Чого́-сь менѣ́ тру́дно, ну́дно — голóвки не зве́ду. —

Сидíть Сáва въ кóнцѣ стола́, все лúсты чита́е;
А Савúха молода́я все ду́ма й гада́е.

Сидíть Сáва въ кóнцѣ стола́, хло́пця вызыва́е,
А Савúха молода́я пла́че да рыда́е.

Ой не всцѣла челя́донька зъ сцѣны́ ключи́ зня́ти,
Спавъ Йгна́тъ Го́лый зъ Кравчúною воро́та ла-
ма́ти.

Якъ во́дсу́не да панъ Са́ва во́ко́нце одъ ры́нку;
А вже ти́и, Гайдама́ки блука́ють по се́нку.

То́льки-жъ та́я челя́донька на поро́гъ ступа́е,
Ажъ Мики́тка па́ну Са́вѣ чоло́мъ одда́ва́е.

— „Здоро́въ, здоро́въ, па́не Са́во, я́къ ся собѣ ма́ешъ?
До́брыхъ госпе́й собѣ ма́ешъ: чѣ́мъ ихъ привѣта́ешъ?

Ой чи ме́домъ, ой чи пи́вомъ, ой чи горѣ́лкою?
Попроща́йся зъ свои́мъ сы́номъ и зъ свое́ю жо́нкою!“

— „Ой да́въ-бы вамъ ме́ду й пи́ва не хо́чете пи́ти;
Ой вы́ жъ мене́ молодо́го хо́чете згуби́ти. —

Ой чѣ́мъ менѣ васъ, пано́ве, чѣ́мъ васъ привѣта́ти?
Дарова́въ, менѣ Госпо́дь сы́на, бу́ду въ ку́мы бра́ти. —

— „Ой не того́ прійшли́ до те́бе, да що́-бъ кумова́ти,
А мы́ зъ того́ прійшли́ до те́бе, да що́-бъ розсчита́ти!

Ой веди́-жъ насъ, па́не Са́во, у нову́ комо́ру,
Да одда́вай, па́не Са́во, коза́цькую збро́ю.

А де́-жъ твой, па́не Са́во, су́кни́, едама́шки,
Що ты́ нажи́въ, вра́жій сы́ну, зъ коза́цькои ла́ски?—

Да́ не того́ прійшли́ до те́бе, да що́-бъ кумова́ти;
А мы́ зъ того́ прійшли́ до те́бе, що́-бъ голо́вку зня́ти.

Ой було́-бъ тобѣ́, па́не Са́во, га́рдъ не руйнова́ти,
Коли́ хотѣ́въ Запоро́зьцѣвъ въ ку́мы собѣ́ бра́ти.“ —

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва до я́сного меча́ . . .
Его́ взяли́ на три́ спи́сы изъ пра́вого плеча́.

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва да я́сной зброи́ . .
Его́ взяли́ да по́дняли́ на три́ спи́сы къ го́рѣ.

„Отсе́-жъ тобѣ́, па́не Са́во, су́кни, едама́шки, (138)
Що ты́ нажи́въ, вра́жій сы́ну, зъ коза́цькои ла́ски!“

Ой не вспѣ́въ-же да панъ Са́ва на ко́ника впа́сти:
У кайда́ны заковали́, спа́ли на́ во́зъ кла́сти.

— Ой, Пано́ве Запоро́зцѝ, хиба́-жъ то ва́мъ сла́ва,
Що въ кайда́ны да забѝтый лежи́ть у ва́съ Са́ва?

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю зъ кайдано́въ пусти́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбо́льшую отъ-симъ залучи́ли.

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю мѣ́жъ се́бе прия́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбо́льшую отъ-симъ дарова́ли. —

А Савиха молода́я во́кно́мъ ушека́ла,
На молоду́ челя́доньку спи́льна поглида́ла.

— Хапа́й, хапа́й, челя́доньке, малу́ю дити́ну:
Бу́дешъ жи́ти, пановати, коли́ я не згину! —

Не боиться коза́ченько ни гро́му, ни шу́чѝ:
Хорошенько въ ко́бзу гра́е, до Са́вихи йду́чи.

(138) Су́кня — платье. Едама́шка — Дамасская матерія.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асаулъ, захваченный въ битвѣ близь Старицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гетьманомъ *Степаномъ Остраницею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизы́й о́рлику, молоды́й Чура́ю!
Ой заби́ли-жъ тебе́ Ляхи́ да у своêмъ кра́ю.

Ой заби́ли тебе́ Ляхи́ изъ твои́мъ Гетьма́номъ,
Изъ твои́мъ Гетьма́номъ, що Па́номъ Степа́номъ.

Орлику, сизы́й о́рлику! орлôвъ братôвъ ма́ешъ,
Що стары́и й молоды́и — са́мъ и̂хъ до́бре зна́ешъ—

Що стары́и й молоды́и — всѣ́ въ тебе́ вдали́ся,
Вôдомсти́ти да за те́бе усѣ́ покляли́ся.

Що стары́и й молоды́и усѣ́ голêнны́и (139);
А въ и̂хъ ко́ни̂ вороны́и, швыдкі́и й быстры́и;

Ой швыдкі́и и быстры́и, якъ орлы́ лêта́ють,
На Ля́шськіи городы́, хма́рой набѣга́ють.

А въ и̂хъ спи́сы була́тныи зъ до́вгими кôньця́ми
Усѣ́ гостри̂ якъ голочки́, зъ до́вгими клюга́ми (140).

А въ и̂хъ ша́бли̂ була́тныи, на обы́два бо́ки,
Вра́жимъ Ляха́мъ зра́ду сы́плють по всѣ́ вѣ́чни̂ ро́ки!

(*) Пѣсня сія, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины.*

(139) Голêнный — удалый (быстрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5 Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ Водахъ (въ Екатер. Губ.).

16.

Чи не той то хмѣль, що коло тычинъ вьется?
Гей той то Хмельницькій, що зъ Ляхами бьется.

Гей поѣхавъ Хмельницькій икъ Жовтому Броду,
Гей не одинъ Ляхъ лежитъ головою въ воду.

Не пій, Хмельницькій, дуже той Жовтои воды:
Идѣ Ляховъ сорокъ тысячъ хорошои вроды.

„А я Ляховъ не боюся и гадки не маю,
За собою великую попугу я знаю,

Ищѣ й Орду за собою веду:
А все, вражи Ляхи, на вашу бѣду.“ —

Ушекали Ляхи, погубили шубы. . .
Гей не одинъ Ляхъ лежитъ, вышкеривши зубы!

Спановили Ляхи дубовыи хаты,
Прійдется Ляшенькамъ въ Польщу ушекати!

Ушекали Ляховъ дѣ-якіи повки,
Ѣли Ляховъ собаки и сѣрыи вовки.

Гей тамъ поле, а на полѣ цвѣты:
Не по одномъ Ляху заплакали дѣты.

Гей тамъ рѣчка, черезъ рѣчку гличя:
Не по одномъ Ляху зосталась вдовиця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельству Пасторія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ поставлено *Канёвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; и-же поставилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ тёмного лѣсу, лѣсу, изъ Чóрного гáю,
Ой крúкнули козáченьки: ушёкáй, Нечáю!

„Якъ я мáю козáкъ Нечáй зъ-вóдсёль ушёкáти,
Слáву свою козáцькую пóдъ нóги тошпáти?

Ой é въ мéне Шпáкъ, Шпáкъ — опъ-пóй дóбрый хлóпець! —
Ой пóй менѣ даé знáти коли ушёкáти!“

— А я тебé, мóй Нечáю, не убезпéчаю:
Держи́ коня́, держи́ въ сѣдлѣ для свого́ звычáю!

Ой я́ тебé, мóй Нечáю, не убезпéчаю:
Держи́ свою́ шабéлечку да пóдъ опанчóю! —

„Сѣдлáй, сѣдлáй, малый хлóпче, коня́ воронóго,
А побѣжи́ въ чúсте пóле, чи йдé Ляшкóвъ мнóго?“

Верщáется малый хлóпець ажъ изъ Полоннóго (*):
— А йдé Ляшкóвъ сóрокъ пúсячъ, тóльки безъ одного́! —

(*) *Полонное* мѣстечко при р. Хамарѣ, 98 верстъ отъ Житомира.

Коза́къ Неча́й, коза́къ Неча́й на те́ не впова́е,
Да зъ кумо́ю зъ Хмельни́цькою ме́дъ-вино́ кругля́е!...
Бо поста́вивъ коза́къ Неча́й три сторо́жи̂ въ мѣ́стѣ,
А са́мъ по̂шо́въ до ку́моньки щу́ку-ры́бу ѣсти.
Ой погля́не коза́къ Неча́й за Тихіи во́ды:
Иде́ Ляхо̂въ со́рокъ ты́сячь хоро́шои вро́ды!
Подиви́вся коза́къ Неча́й у но́ву кваты́рку:
Хо́дить Ляшко̂въ вра́жихъ сыно̂въ якъ куре́й по ры́нку.
Ой якъ кри́кне коза́къ Неча́й на хло́пця мало́го:
„Сѣдла́й, хло́пче, сѣдла́й, малы́й, коня́ вороно́го!
Сѣдла́й менѣ́ вороно́го, собѣ́ булано́го —
Ге́ть вы́рѣжемъ вра́жихъ Ляхо̂въ, ге́ть що до о̂дно́го!“
Ой я́къ сти́сне коза́къ Неча́й коня́ острога́ми, (141)
За ни́мъ Ляхо̂въ со́рокъ тысячъ зъ го́лыми шабля́ми,
Ой якъ во̂зьме коза́къ Неча́й одъ ба́шты до ба́шты:
И ста́въ Ляшко̂въ вра́жихъ сыно̂въ якъ сно́пики кла́сти.
Поверну́вся коза́къ Неча́й во̂дъ бря́мы до бря́мы:
А поста́вивъ вра́жихъ Ляшко̂въ у чоты́ри̂ ла́вы.
Поверну́вся коза́къ Неча́й на пра́вее пле́че:
А вже́ зъ Ляшко̂въ вра́жихъ сыно̂въ кровъ рѣчка́ми те́че.
Поверну́вся коза́къ Неча́й на лѣ́вую ру́ку:
Не вы́скочить Неча́евъ ко̂нь изъ Ля́цького тру́пу!...
А споткну́вся Неча́евъ ко̂нь на малу́ тычи́ну;
По̂йма́въ ёго Калино́вськiй зъ ко́ня за чупри́ну.

---

(141) Острога́ — шпоры.

Чи не тóй-то хмéль, хмéль, що вúсоко вьéпься?
Чи не тóй-то козáкъ Нечáй, що зъ Ляшкáми бьéтся?

Чи не тóй-то хмéль, хмéль, а щó въ пúвѣ грáе?
Чи не тóй-то козáкъ Нечáй, що Ляшкóвъ рубáе?

Чи не тóй-то хмéль, хмéль, що у пúвѣ кúсне,
Чи не тóй-то козáкъ Нечáй, що Ляшенькóвъ тúсне?

Не знáете, врáжй Ляшкú, чѣмъ хлóпця убúти:
Срéбнымъ гýцькомъ, срéбнымъ гýцькомъ ручнúцю набúти!

Не за дóвгій, дóвгій чáсъ, за малý годúнку,
Качáется Нечáёва голóвка по рынку.

Ой не дбáли врáжй Ляхú на козáцьку врóду,
Рвáли тѣло по кусóчку, пускáли на вóду.

18.

Ой зъ пóдъ гáю, гáю, зъ пóдъ Чóрного гáю,
Ой крúкнули козáченьки: ушéкай Нечáю!

„Ой не бóйтеся, не бóйтесь, Панú Ошамáны;
Я постáвивъ спорожéньку усѣми шляхáми.“

— Ой я тебé, мóй Нечáю, не убеапéчáю:
Держй свогó конúченька въ своéмъ обычáю! —

„А я козáкъ молодéнькій Ляхóвъ не боюся,
Máю-жъ бо я козáченькóвъ, да й оборонюся!“

Одъ Крáсного Бróду, одъ Чóрнои Вóды
Идé Ляшкóвъ сóрокъ тысячъ хорóшои врóды.

Ой не вспѣвъ-жé Нечáенько на кóника сѣсти:
Оглянется назáдъ себé, а вжé Ляхи въ мѣстѣ.

Ой порвáвся козáкъ Нечай до тугóго лýка,
Обéрнется назáдъ себé — а вжé пóвно трýпа.

Стрепенéтся козáкъ Нечай объ пóлы рукáми:
Сюды гляне, туды гляне — течé крóвъ рѣкáми.

Удáрится козáкъ Нечай объ пóлы рукóю:
„Ой прíйдется розлучúться изъ дѣтьмú й жонóю!“
— Ой дé-жъ твоí, Нечáеньку, воронúи конí? —
„У Гéтьмана у Пóльного стоятъ на припонѣ.“

— Ой дé-жъ твоí, Нечáеньку, кованúи вóзы? —
„Подъ мѣс печкомъ Берéстечкомъ запóчени въ лóзы!“
— Ой де-жъ твоí, Нечáеньку, сукнí, блаватáсы?
„Гей посѣкли, порубáли Ляхи, въ шабельнáсы!“
— Ой дéжъ твоí, Нечáеньку, дѣтюньки да жóна?
„Ой въ мѣстéчку Берестéчку сидятъ собѣ дóма.

Ой котóрый козáченько буде зъ васъ у мѣстѣ —
Поклонúся моéй жóньцѣ й несчастнóй невѣстицѣ.

Нехáй вонá, нехáй берé срéбла-злóта дó-сыть:
Нехáй менé выкупляе и останку прóсить!“
Не хотѣли врáжí Ляхи срéбла-злóта брáти,
А волúли Нечáенька въ дрóбный мáкъ сѣкáти.

— Гей вы козачéньки, чи не булú въ мѣстѣ?
Поклонѣтесь матýсенцѣ й несчастнóй невѣстицѣ!

Нехáй вонá, нехáй плáче, а вжé не выплáче,
Ой надъ сынóмъ, надъ Нечáёмъ чóрный вóронъ крáче.

Ой за малý хвильку, за малý годúнку,
Ой скакáла Нечáёва головка по рынку. . . .

ОТРЫВКИ.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСѢ.

Имя *Перебійноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебійносъ, къ которому относится сей отрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривоносъ*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, которой, къ сожалѣнію, я у себя теперь не имѣю.

Ой луга́ми да берега́ми да зеле́ными вѣ́шы (141′):
Да засѣда́ютъ Ляхи́, да засѣда́ютъ паны́, Перебі́йно̂са вби́ли.

А Перебі́йно̂съ того́ й не гада́е,
Да ме́дъ вино́ попива́е.

Ой одсу́нувъ па́нъ Перебі́йно̂съ поку́шьню ква-
тырку —
Ажъ гуля́ютъ Ляхи́, ажъ гуля́ютъ паны́, да по его́
рынку.

20.

Доко̂ль ходи́ли по Украи́нѣ козаки́ зъ рога́ми,
Спои́ли степы́, поля́ обло̂га́ми;
Якъ яви́лися на Украи́нѣ попы́ въ ладо̂вни́цяхъ:
Спа́ли у мужико̂въ пироги́ на полицяхъ.

(141′) Вѣ́ша — вѣшь.

21.

Да не бу́де лу́чче, да не бу́де кра́сче якъ у на́съ на Вкраи́нѣ:
Да нема́е Жи́да, да нема́е Ля́ха, нема́е Уни́и.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Хо́дятъ слу́ги по поко́ю, вздыха́ютъ до не́ба:
Нема́ па́на Гетьма́на — розо́йти́ся тре́ба.

23.

Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Коза́къ по́лемъ проѣзжа́е;
Ой вы́ѣхавъ кра́й моги́лы
Кра́й моги́лы Верхови́ны.
„Ты, моги́ло Верхови́но,
Чому́ ра́но не горѣ́ла?“
— Ой я ра́но не горѣ́ла,
Бо кро́вцёю обкипѣ́ла. —
„Ой яко́ю?“ — Коза́цькою,
Полови́ну и зъ Ля́цькою. —

24.

У Гайси́нѣ вѣ́черъ ве́е, а въ Ума́нѣ ти́хо,
Въ Брайловѣ добра́ нема́, а въ Тульчи́нѣ ли́хо.

25.

Бере́зо, чому́ ты не зеле́на? —
Ой я́къ менѣ зеле́ною бу́ти:
По́до мно́ю Тата́ры стоя́ли,
Копы́тами зе́млю грасова́ли,
Шабля́ми го́лья позтына́ли. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Былевыя пѣсни о временахъ посль Богдана до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вѣчной на́мяти бува́ло
У насъ въ Гетьма́нщинѣ коли́-сь.

Котляревскій.

Замѣчаніе III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по истеченіи коего (1667, Янв. 13) Заднѣпровская Украина отошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ было *обостороннею* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное придцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кіев. Синопс. 1823): 28й Иванъ Ильичъ *Скоропадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павелъ Леонтьевичъ *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Данило Павловичъ *Апостолъ*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичъ *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803, Янв. 6 въ Батуринѣ, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣя*. Забубённаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женцѝ жнýть,
А по-пôдъ горóю,
По-пôдъ зеленóю
Козакѝ йдýть.

А попéреду Дорошéнько —
Ведé своé вôйсько,
Ведé Запорôзське
Хорошéнько.

По серединѣ Панъ Хорýнжій —
Пôдъ нúмъ коничéнько,
Пôдъ нúмъ воронéнькій
Сúльне дýжій.

А позáду Сагайдáчный,
Що промѣнúвъ жóнку
На тютюнъ да лю́льку (142)
Необáчный.

(142) Тютюнъ — табакъ. Лю́лька — трубка.

— Гéй верни́ся, Сагайда́чный!
Вôзьми́ свою́ жôнку,
Отда́й мою́ лю́льку,
Необа́чный!

„Менѣ́ зъ жôнкою не вози́ться;
„А шюшю́нъ да лю́лька
„Козаку́ въ доро́зѣ
„Знадоби́ться!

„Гéй! хто въ лѣ́сѣ? озови́ся!
„Да вы́крешемъ о́гню,
„Да попя́гнемъ лю́льки —
„Не жури́ся! . . . .“

О КОЗАКѢ БАИДѢ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Холак.*), кажется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкій — Магометъ IV.

А въ мѣстéчку слáвнôмъ Берестéчку
Ой пье Бáйда мéдъ да горѣлéчку;
Ой пье Бáйда да не дéнь, не двá,
Да не одну́ нôчку дай не годинóчку.
Царь Турéцькій къ ёму́ присилáе,
Бáйду къ собѣ́ пôдмовля́е:
— Ой ты, Бáйда, да славнéсенькій!
Будь менѣ́ лы́царь да вѣрнéсенькій,
Вôзьми́ въ мéне Царéвночку,
Будь пáномъ на всю Украйночку. —
„Твоя́, Цáрю, вѣра прокля́тая,
Твоя́, Цáрю, дочка погáная!“

Ой крúкнувъ Цáрь на гайдýки :
— Вôзьмѣть Бáйду дóбре въ рýки,
Вôзьмѣть Бáйду извяжѣше,
На гáкъ (142′) ребрóмъ зачепѣше. —

Ой висúть Бáйда да й не дéнь, не двá,
Да не одну́ нôчку, да й не годúночку.
Ой висúть Бáйда, да й гадáе,
Да на свогó хлóпця споглядáе,
Да на свогó хлóпця молодóго,
И на свогó коня́ вороно́го.
„Ой ты, хлóпче молодéсенькій!
Подáй менѣ лучóкъ да тугéсенькій,
Подáй менѣ лучóкъ
И стрѣлочóкъ пучóкъ:
Ой бáчу я три голубóчки,
Хочу́ я убúти для ёго́ дóчки.
Нехáй же я убью́ Царю́
Та на слáвную вечерю́!“
Якъ стрѣлúвъ — Царя́ уцѣлúвъ,
А Царúцю у потылúцю, (143)
А ёго́ дóчку въ головóчку.
„Отъ-то́ тобѣ, Цáрю, да за твою́ кáру:
Було́ тобѣ знáти, якъ Бáйду карати.
Було́ Бáйдѣ гóлову изтя́ти,
Ёго́ тѣло похова́ти,
Воронúмъ кóнемъ ѣздúти,
Хлóпця собѣ зголубúти.“

(142′) Крюкъ. (143) Затылокъ.

28.

Пѣсня сія сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажури́лась Украи́на, що нѣ́гдѣ ся-дѣ́ти:
Вы́топтала Орда́ ко̂ньми усѣ́ мали̂ дѣ́ти.

Малы́хъ потопта́ла, стары́хъ поруба́ла,
А сере́дні̂и забра́ла, у поло́нъ погна́ла.

Ой служи́въ я тому́ Па́ну, Па́ну бусурма́ну;
А тепе́ръ служи́ти ста́ну Восто́чному Ца́рю!

Хо́дить Ляшо́къ по ры́ночку, ша́бельку выйма́е:
Коза́къ ёго́ не бои́тся, ша́пки не зни̂ма́е!

Ось Ляшо́къ до ша́бельки, а Коза́къ до дрю́ка:
Тепе́ръ тобѣ́, вра́жій сы́ну, зъ душо́ю розлу́ка.

ЧАЙКА.

29.

Въ лѣтописи Конисскаго пѣсня сія приписывается *Мазепѣ;* по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Атаманомъ.

Ой бѣда́, бѣда́ ча́йцѣ не́бозѣ (143′),
Що вы́вела дѣ́тки при би́то̂й доро́зѣ.

Киги́! Киги́! злетѣ́вши въ го́ру —
То̂льки втопи́ться въ Чо́рному Мо́рю!

(143′) Чайкѣ бѣдняжкѣ.

Жи́то поспѣло, приспѣло дѣло;
Йду́ть женцѝ жа́ти, дѣво́къ забира́ти.
Киги́! киги́! . . .

Ой дѣти, дѣти! де́ вась, подѣти?
Чи менѣ впопи́ться, чи зъ го́ря уби́ться?
Киги́! киги́! . . .

И кули́къ ча́йку взя́въ за чуба́йку!
Ча́йка киги́че: зги́нь ты, кули́че!
Киги́! киги́! . . .

А буга́й (144) *бугу́*! гне ча́йку въ дугу́:
Не кричи́ ча́йко, бо бу́де пя́жко!
Киги́! киги́! . . .

— Якъ не крича́ти, якъ не лѣта́ти:
Дѣтки мале́нькѝ — а я́ йхъ ма́ти!
Киги́! киги́! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢЕНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣенкѣ относится къ той осадѣ Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ ее въ теченіе 1½ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ шѣмъ Полтавскую битву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣчь*.

Запоро́зцѝ небожа́та (144′)! пшени́ця не жа́та:
Ой по́йдѣте, огляді́ть, пшени́цю зажни́ть.
Ой хочъ по́йдемъ огляда́ти — не бу́демо жа́ти!
Хвали́лися Запоро́зцѝ Полта́вы доста́ти.

(144) Буга́й — быкъ, здѣсь значитъ быкъ-птица, выпь.
(144′) Голубчики.

Ще Полта́вы не доста́ли, а вже Шве́дъ зда́вся;
На бѣ́дную голо́воньку Кошо́вый зоста́вся.

Ой умёрла въ Кошово́го старе́нькая ма́ши,
Ой нѣ́кому Кошово́му пора́доньки да́ши.

Восто́чный Ца́рь на Вкраи́нѣ не до́йма́е ве́ры —
Посыла́е Голи́цына, щобъ не було́ змѣ́ны.

„Ой иди́-жъ ты, Голи́цыну, иди́-жъ ты горо́ю,
А я́ по́йду́ зъ Москаля́ми услѣ́дъ за тобо́ю.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубея и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относится пословица: *Зня́вши го́лову по воло́сьямъ не пла́чуть.*

31.

Мазе́по Гетьма́не, израдли́вый Па́не!
Зде́е почина́ешъ, зъ Шве́домъ накла́да́ешъ
И на Царя́ Восто́чного ру́ки по́до́йма́ешъ.

По́дня́въ еси́ Орду, изроби́въ трево́гу! —
А при то́й измѣ́нѣ бувъ Кочубе́й да Искра:
По́шли-жъ воны́ зъ-по́дъ Полта́вы (*) да до Царя́ зни́шка.

А Царь ве́ры не до́ня́въ, до Мазепы одо́сла́въ:
Скоро́-жъ йхъ Мазе́па взрѣ́въ — ба́рзо звесели́вся;
А Кочубе́й изъ Искрою слёза́ми обли́вся.

Усѣ́ Паны́ Сенапо́ры, усѣ́ бенке́пъ ма́ли;
Кочубе́я-жъ изъ Искрою ба́рзо забува́ли.

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ доносу.

Тóльки ты́ ихъ не забу́въ, Миргоро́дскій Пане (*),
Що Кочубе́й изъ Искрою за Вкраи́ну спа́ли! —

У Кіевѣ на Подо́лѣ пору́баны гру́ши;
Погуби́въ-же пе́съ Мазе́па неви́нныя ду́ши!

Ой вы́горѣвъ весь Башу́ринъ, зо́ста́лася ха́та (**);
Да вже́-жь твоя́, псе Мазе́по, и душа́ прокля́та.

Бу́въ у тебе́, псе Мазе́по, оди́нъ хло́пець Не́мецъ.... (***)
По́шло́-жь твое́, псе Мазе́по, усе́ добро́ ни́вець! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос. крестьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ и Донцомъ.

32.

У Глу́ховѣ у го́родѣ у всѣ дзво́ны дзво́нютъ;
Да вже на́шихъ коза́ченько́въ на ли́нѣю го́нютъ.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣльну́ли зъ гарма́ты;
Не по одно́мъ коза́ченьку запла́кала ма́ти.

(145) Ни́вець — ни-во-что́. Ни́вечить — портить, ничтожить. Ницъ — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гетьманомъ.

(**) 1708 Г. въ Октябрѣ Князь Меншиковъ осадилъ Башуринъ, великолѣпную резиденцію Мазепы, разорилъ и сжегъ его до основанія; на мѣстѣ онаго было только нѣсколько *хатъ*, до 1750 г., когда избранный въ Гетьманы Каммергеръ Графъ К. Г. Разумовскій захотѣлъ перевести Гетьманскую резиденцію изъ Глухова опять на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Кенигсекъ*.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣльну́ли зъ ручни́цѝ;
Не по одно́мъ коза́ченьку пла́кали сестри́цѝ.

У Глу́ховѣ у го́родѣ попле́тены сѣ́тки;
Не по одно́мъ коза́ченьку заплака́ли дѣ́тки.

На бы́строму на о́зерѣ — гепь пла́вала ка́чка (146);
Не по одно́мъ коза́ченьку пла́кала коза́чка. —

У Гри́цьковѣ огнѝ горя́ть, а въ Полта́вѣ ды́мно;
На мо́гилѣ Ге́тьманъ сиди́ть — гепь-па́мъ ёго́ ви́дно!

Допевня́йся-жъ (147), нашъ Гетьма́не, допевня́йся пла́ты!
Якъ не бу́дешъ допевня́ти, бу́демо втѣка́ти.

Ой идѣ́ть-же вы, пано́ве, до Петра́ до сва́та —
Ой тамъ бу́де вамъ, пано́ве, вели́ка запла́та:
По за́спину у ру́ченьки, да ще́ и лопа́та! . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лѣ, соро́чку лата́е, (148)
Ой ки́нувся до черешка́ — копѣ́йки нема́е.

Сиди́ть пу́гачъ (149) на у́бочу, на вѣ́черъ наду́вся:
Иде́ коза́къ въ Украи́ну, на ли́хо здобу́вся.

Ишо́въ коза́къ на ли́нѣю да й ве́льми наду́вся,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нѣи — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Утка. (147) Домогайся. (148) Починяешь, кладешь заплаты. (149) Филинъ.

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по кознямъ Мазепы (см. Дума X), сосланъ в. Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высо́ко со́нце зхо́дить, низе́нько ложи́тся,
Ой де́-сь то па́нъ Палѣ́й Семе́нъ тепе́ра жури́тся?
Высо́ко со́нце зхо́дить, низе́нько захо́дить,
Ой де́-сь то па́нъ Палѣ́й Семе́нъ по Сиби́ру бро́-
дить!
„Ой чу́ро, мôй чу́ро, мôй вѣ́рный Стоу́сю!
Ой ходѣ́мо у капли́цю (150), Богу́ помолю́ся!
Ой Бо́говû помолю́ся, Святи̂мъ поклоню́ся. . .
Зледащѣ́въ-же я пону́рый, старе́нькимъ здаю́ся!
Старе́нькимъ здаю́ся, моли́тися му́шу:
Хай ми́луе Милости́вый мою́ грѣ́шну ду́шу!“
Ой натягну́въ ёму́ чу́ра да сѣ́рую сви́ту,
Да да́въ ёму́ да у ру́ку ѐло́вую вѣ́ту.
Пôйшо́въ па́нъ Палѣ́й Семе́нъ Бо́говû моли́ться,
Не то Бо́говû моли́ться, а не то́ жури́ться.
Прійшо́въ па́нъ Палѣ́й до-до́му, да й сѣ́въ у намѐтѣ,
На банду́рцѣ выграва́е: „Лихо жи́ти въ свѣ́тѣ!
То́й, ду́шу закла́вши, сви́ту ба́чъ гапту́е; (151)
А то́й по Сиби́ру — мовъ въ лу́зѣ дубу́е.“

(150) Часовня. (151) Гаптова́ти — шить сребромъ.

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можетъ быть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хто́ въ Крыму́ не бува́въ,
То́й и ди́ва не вида́въ;
А мы́ въ Крыму́ бува́ли,
Мы́ тамъ ди́во вида́ли.

Переко́пськiй комендантъ
Запоро́зьцямъ дае́ зна́ть:
— Ой го́дѣ-жъ вамъ, Запоро́зьцî,
Въ Калантаѣ пробува́ть,

Ой ходѣ́мо на Ялы́ (?)
Коза́ченько́въ ряпова́ть. —
Запоро́зьцî якъ по̂шли́:
Впереду́ го́лову найшли́;

А въ Жадче́нка Степа́на
Облу́плена голова́,
Въ Моско́вського копита́на
Спи́на обо̂дра́на.

Лежа́ть на́шi коза́ченьки
Якъ бѣле́ньки смычки́;
А въ Жадче́нка у Степа́на
По-за но́гтями спички́.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссіянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бу́гомъ надъ рѣко́ю, на Туре́цько̂й грани́цѣ,
Тамъ стоя́ли пикинêры, зъ ни́ми компанѣ́йцѝ.

Зеле́нои Недѣ́лоньки Орда́ наступа́е:
Гей, пано́ве, уступѣ́мо! запа́су не ма́е.

— Ой чого́-жъ намъ уступа́ти, чого́ боемо́ся?
Ой хочъ Орды́ бага́то йде́, мы ê̂й не дамо́ся! —

Иде́ Орда́ изъ-за Га́рда мно́го зъ прапора́ми: (153)
Наложѣ́те-жъ, пикинêры, от-ту́тъ голова́ми!

Иде́ Орда́ изъ-за Бу́га, и въ Бу́гъ не зноби́тся;
Ста́ли бѣ́днѝ пикинêры въ Бугъ-рѣку́ топи́ться.

Иду́ть батьки́ и матерѝ да сынôвъ пита́ють...
— Да вже́, батьки́, ва́шихъ сынôвъ орлы́ догляда́ють!

Не зхотѣ́ли ва́ши сыны́ въ пикинêрахъ служи́ти,
Сѣ́ли собѣ́ слободо́ю надъ Бу́гомъ-рѣко́ю! —

Погорѣ́ли степы́, поля́ й зеле́нѝ байра́ки,
Иду́ть зъ вôйська у городы́ го́лыи коза́ки.

(153) ра́поръ — знамя, оттуда Прапорщикъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Кистринъ и Гостинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хотинъ?

36.

Ой на мо́рѣ, на мо́рѣ сине́нькôмъ,
Тамъ пла́вала бѣ́ла лебе́донька
Изъ мале́нькими лебедя́тами.
Де́ ся-взя́въ сизопêрый оре́лъ,
Ставъ лебе́дку би́ти й забива́ти,
Ста́ла лебе́дка до ёго промовля́ти:
Ой не бі́й мене́, сизопêрый о́рлоньку,
Скажу́ тобѣ́ всю щи́рую (154) пра́вдоньку:

„Якъ у тôмъ мѣ́сцѣ у Кистри́нѣ
Да бье́тся Орда́ уже́ три́ днî,
Бье́тся вона́ три́ днî й три годи́ны,
Розби́лася вона́ на три́ полови́ны.
Течу́ть рѣчки́, да все́ крова́выи,
Чере́зъ тѣ́ рѣчки́ мо́стять мосты́,
Мо́стять мосты́, да все́ голо́вками,
Голо́вками, да все́ Моско́вськими.“

(154) Щи́рый — истинный, настоящій; также чистый, ревностный, роскошный (дерево, цвѣтокъ).

37.

Ой ма́ла вдова́ сы́на сокола́,
Вы́годовала, въ во́йсько оддала́.
Ой ста́рша сестра́ коня́ сѣдла́ла,
А середу́ща ху́стку (155) кача́ла,
А наймоло́дша выпроважа́ла,
А ма́ти ёго́ выпыпова́ла:
— Сы́ну мо́й, коли́ прі́ѣдешъ до на́съ? —
„Тоди́ я, не́не, прі́ѣду до ва́сь,
Якъ па́вине пе́рья на-спо́дъ потоне,
А млино́вый (156) ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плине!“
Вже-жъ млино́вый ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плинувъ,
Вже й па́вине пе́рья на-спо́дъ потону́ло,
А ще мого́ сы́на зъ Госпина́ не ви́дно!
Вы́йшла на го́ру: — ой всѣ полки́ йду́шь,
То мого́ сы́на ко́ника веду́шь! —
Пыта́ла вона́ всеи́ старшины́:
Чи не ба́чили сы́на со́кола? —
— „Чи не то́ швой сы́нъ, що сѣмъ полко́въ во́ивъ,
За во́сьмымъ полко́мъ голо́вку зхили́въ?
Зозу́ля лѣта́ла надъ ни́мъ кую́чи,
А ко́ники ржа́ли ёго́ везучи,
Коле́са скрипѣли по́дъ ни́мъ котючи́сь,
Слу́женьки пла́кали за ни́мъ иду́чи!“

---

(155) Платокъ. (156) Мельничный. Млинъ — мельница.

ОТРЫВОКЪ.

Ой бѣда́, о́рлику, ка́мѣнь скуе́.
А по Днѣпру́ що по Днѣпру́ молоды́й Коза́къ плыве́.
Молоды́й, коза́къ Ота́манъ Случа́й.
— Якъ сы́кне Тапарю́га, що хо́чъ одвѣча́й.
Що хо́чъ одвѣча́й, хочъ прикмѣ́пы карбу́й,
Хочъ зло́го Тапарю́гу и хло́щй вербу́й!

О *Случаѣ* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Былевыя пѣсни послѣ Гетьманщины.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

Замѣчаніе IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Задѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Задѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ утѣсненій за Религію и вольности Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Задѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отдѣлѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Задѣпровско - Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харько́, *Желѣзня́къ* и особенно *Го́нта* были главными лицами, а *рѣзня въ Умáньщинѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей тогда въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сотникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ;* а по книгѣ Банпышъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жабошинѣ, въ конюшнѣ, Харьку отрубили голову, по приказанію Рейменпаря. — *Уланов*ъ между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Куплеты 2 и 3й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, горѣ́лки напи́вся,
За ни́мъ, за ни́мъ сѣмсо́тъ мо́лодцо́въ: — спо́й, ба́тьку! не журúся.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, на вы́ечко похили́вся:
Ой чо́мъ-же ты, Па́не-Со́тнику, ой чо́мъ зажури́вся?

„Якъ же менѣ, Паны-мо́лодцй ой я́къ не журúться;
Коли́ по́до мно́ю була́ный ко́ню и ржé й спанови́ться!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковским*ъ, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Ви́слы да до Кіева пробúпыи шляхи́:
Завладѣли неправди́во кра́емъ на́шимъ Ляхи́.

Якъ-же менѣ, паны-мо́лодцй, ой я́къ ся не жури́ти:
Ой засѣда́е городовы́й Со́тникъ, да хо́че мене́ вби́ти! . . .“

Ой заржа́въ-же вороны́й ко́никъ въ ста́нѣ на помо́стѣ;
А вже́ вби́то Харька́ Со́тника въ Морозо́вцѣ на мо́стѣ.

Ой лети́ть крячо́къ чере́зъ байрачо́къ да й жало́бне́нько кря́че;
Стои́ть Со́тничка зъ Полко́вникомъ да и жало́бне́нько пла́че:

— Ой бог-да́й же ты, Полко́внику, да наложи́въ головою,
Що ты́ мене́ молоде́нькую да наряди́въ вдовою!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго Сотника *Гонты*, здѣсь открываются еще для Исторіи Жаботинскій Сотникъ *Мартынъ Бѣлуга*, Смѣлянскій Сотникъ *Шило*, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не есть ли Тимéнко?

39.

Максимъ Коза́къ Желѣзня́къ зъ сла́вного Запоро́жья
Процвѣта́е на Вкраи́нѣ якъ въ горо́дѣ ро́жа.

Розпусти́въ во́йсько коза́цькее въ сла́вно́мъ мѣстѣ Жаботи́нѣ —
Гей розлила́сь коза́цька сла́ва по всей Украи́нѣ!

Гей, Максúме Полкóвнику, ты слáвный вóйну!
Гей вы́пусти зъ Жабóтина хочъ Лáцьку дúшúну.

Максúмъ Козáкъ Желѣзнякъ лúсты одбúрáе,
Усѣхъ Ляхóвъ изъ Жидáми до-кýпы збúрáе.

Изóгнáвши усѣхъ Ляхóвъ зъ Жидáми до-кýпы,
Оддáвъ Лáха Губернáтора да Бѣлýзѣ въ рýки.

Бѣлýга Мартúнъ Жабóтинський да по рынóчку хóдить,
Свогó Пáна Губернáтора за собóю вóдить.

И вóдючи за собóю да й до ёго кáже:
— Не одногó тепéръ Лáха головá заляже! —

Гей якъ вы́йшовъ Сóтникъ Смѣлáнькій зъ своúми Козакáми,
Ступáй, ступáй, Шúло Сотнúку, въ Богуслáвъ изъ нáми!

А въѣхали въ Богуслáвъ да въ сéреду врáнцѣ,
Накúдали въ тóй годúнѣ Жидóвъ пóвнй шáнцй.

Дзюма Козáкъ Умáньскій конéмъ пріѣжáе,
До Умáня Желѣзнякá зъ собóю пóдмовляе:

Гей, Максúме Полкóвнику, ты бáтьку козáцькій!
Гей не втечé изъ Умáня навѣтъ (157) и дýхъ Лáцькій!

Пóдъ Умáнемъ слáвнымъ мѣстомъ велúкій крýчи;
Гей помлѣли Умáньчики Запорóзьцѣвъ ждýчи.

Гóнта Сóтникъ Умáньскій по-мѣжъ вóйськомъ хóдить,
Изъ Максúмомъ Желѣзнякóмъ черезъ лúсты говóрить.

(157) Навѣтъ — даже.

А въ недѣлю рáно стáли да у дзвонú бúти;
Гей ставъ Гóнта зъ козакáми пôдъ Умáнь пôдходúти.

Въ понедѣлокъ перéдъ обѣдомъ изъ гармáтъ загýли,
А въ вôвпóрокъ ищé рáньше Умáня добýли. . .

Хвалúлися Умáньчики пôдъ Умáнь идýчи:
Бýдемъ дрáпи, панú-мóлодцй, зъ кипáйки онýчи. —

Гей, якъ вúйшовъ Донськúй козáкъ зъ-за Гóстроимогúлы,
Ушéкáли Умáньчики, шпанú погубúли.

Максúмъ Козáкъ Желѣзнáкъ зъ лáгря вúѣзжáе,
Перéдъ Донськúми козакáми, и стрáху не мáе.

Ступáй, ступáй, Желѣзняку́! гóдѣ вже гулáти:
Пôйдемъ въ Кúевъ въ Печéрськее Бóгу робошáти!

И говóрить Максúмъ Козáкъ, сúдючи въ невóлѣ:
Не бýдуть мать врáжúй Лáхú на Вкрайнѣ вóлй.

Течýть рѣки зъ всёго свѣту до Чóрного Мóря:
Минýлася на Вкрайнѣ Жидôвская вóля!

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Относится къ 1770 г.)

40.

Да стоáвъ, стоáвъ Сóтникъ Гóнта, въ стенý три недѣлй;
Наѣхали Смѣлáнчики, да вôнъ ся úмъ звéрúвъ.

— Гóдѣ, гóдѣ, Сóтнику Гóнта, у стенý стоáти;
Ходú зъ нáми Козакáми Умáнь грабовáти! —

„Ой я́къ менѣ́ паны-мо́лодцѝ, Ума́нь грабова́ли,
И на свого́ па́на - ба́тька ру́ки по́до́йма́ли?“ —

Ой гуля́йте Уманьчики не бо́йтесь нѣчо́го:
Вы́вѣшали Гайдама́ко́въ въ Пяти́горахъ мно́го!

Да повѣ́сили Кото́вича на зеле́но́мъ ду́бѣ; —
Прiѣ́хала ёго́ сестра́ живото́вѝ лю́ба.

Да незли́ченѝ черво́ныцѝ да въ запо́лы но́ситъ,
Хорошенько Рейме́нтаря кла́няючись про́ситъ:

— Да дозво́ль, Па́не Рейме́нтарю, черво́ныцѝ забра́ти,
Мого́ бра́та Кото́вича зъ ши́бенницѝ зня́ти. —

Да дозво́ливъ Панъ Рейме́нтарь, черво́ныцѝ забра́ли;
Не дозво́ливъ Кото́вича зъ ши́бенницѝ зня́ли.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтова́лась Украйна, попы́ и дяки́;
Поги́нули на Вкра́инѣ Жиды́ и Поляки́.

Прилетѣ́ли на Вкра́йну изъ За́паду гу́си,
Поги́нули на Вкра́инѣ неви́нныи ду́ши.

Поги́нули Депута́ты шляхе́тной вро́ды,
На́вѣтъ ша́я дро́бна шля́хта, ты́н хлѣборо́бы.

О Бо́же мо́й несконче́ный! що́ ся тепе́ръ ста́ло:
Якъ то вѣ́ра, такъ то вѣ́ра, а ми́лости ма́ло!

О Бо́же мôй нескончéный! диви́тися го́ре,
Що тепéра, на сёмъ свѣ́тѣ, вѣ́ра вѣ́ру бо́ре! . .

О Бо́же мôй нескончéный! въ на́съ такъ не ведéться.
Памята́йте, бунтовники́, ва́мъ то не минéтся!

Ма́ли паны́ на Вкраи́нѣ до́брî оборо́нцî,
Звѣ́рилися Со́тниковî, Ума́нському Го́нтѣ.

Ма́ли паны́ на Вкраи́нѣ ду́же до́брый тру́нокъ:
Паны́ ты́и розу́мныи даду́ть собѣ́ рату́нокъ.

Паны́ тéе зрозумѣ́вши, зго́ду учини́ли:
Пôдки́нувшись пôдъ Ума́нь, Го́нту изловили.

Воны́-жъ ёго́ на-самъ-пéредъ ба́рзо привѣта́ли,
Черéзъ сêмъ днéй зъ ёго ко́жу по-по́ясъ здира́ли.

И го́лову облупи́ли, сôлью насоли́ли,
По́тôмъ ёму́ якъ чéстному наза́дъ положи́ли.

Панъ Реймéнтарь похожа́е: — дивѣ́теся, лю́де!
Хто́ ся тôльки збунтова́въ, то всѣ́мъ тéе буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Губерніи: по поводу чего, граматой 1774 г. 22 Мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, переманили-было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000. Сіи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Государыню *разрушить Сѣчь Запорожскую*, повелѣніемъ 1775 г. 4 Іюня, даннымъ Генералъ-Поручику Текеллію.

42.

(Къ 1775 г.)

Да встáнь, Харькý! да встáнь, бáтьку! гóдѣ вже намъ спáти:
Ой ходѣ́мо до Царúцѣ мúлостѣ прохáти.
Ой Царúце, нáша Мáти! змúлуйся надъ нáми:
Ой дáй-же намъ прéжнѣ степы̀ зъ тéмными лугáми!
— Не дозвóлю Запорóзцямъ степóмъ обладáти,
Да прикажý Москалéвѣ всю Сéчь розоряти! —
Ой хóдить нашъ Панъ-Кошóвый, шабéльку спискáе,
Такúй-жъ бо вонъ Москалéвѣ вѣры не дóймáе:

„Ой хто хóче зъ шабелькáми, а мы̀ зъ кулакáми —
Нехáй пóйде нáша слáва, по-мѣ́жъ козакáми!“

43.

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы̀, зъ-за Лиманý вѣтеръ повѣва́е,
Да вжéжъ Москвá Запорóзья кругóмъ обступáе.
Ой облягла́, обступúла, да въ гóродъ вступúла,
Москóвськими знамéнами гóродъ закрасúла.
Пóшла́ Москвá по курѣнямъ запáсу збирáти . . .
Ой набрáли срéбла-злóта, да й стáли гадáти:
Ой я́къ бы намъ, мúлѣ-брáтья, Запорóзья взя́ти? —
Взялú сóпню Кошовóго й Пúсаря Полкóвого:
Щобъ не булó Запорóзья нóки свѣ́та сéго! —
Ой покрылось Запорóзье густы̀ми лозáми,
Да вмылися Москáлики дрóбными слéзáми!

ГАЛКА.

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ее ли должно отнести къ Кошевому Кальнашу? (см. *Чайка* на стр. (108.)

44.

Ой полети́, полети́, да чо́рная га́лко, да на До́нъ рыбы ѣ́сти,
Ой принеси́, принеси́, да чорная га́лко, одъ Кошово́го вѣ́сти!

— Да вже́-жъ менѣ́ не лѣпа́ти на До́нъ ры́бы ѣ́сти,
Да вже́-жъ менѣ́ не носи́ти одъ Кошово́го вѣ́стй! —

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и!
Повдава́лись о́динъ въ одно́го, якъ бра́тья ро́дны́и.

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши ко́нй?
— На́ши ко́нй въ Па́на на приго́нѣ, сами́-жъ мы въ невóлѣ! —

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши у́зды?
— На́ши у́зды въ ко́ней на зану́здѣ, сами́-жъ мы у нужде́! —

Ой вы Запоро́зцй, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши спи́сы?
— На́ши спи́сы у Па́на у спрѣ́сѣ (158), сами́-жъ мы у лѣ́сѣ! —

(158) Спрѣ́ха — крыша изъ прострнику, или соломы.

Ой вы Запорóзцѝ, óй вы молоды́и! дé-жъ вáши ручни́цѝ?
— Нáши ручни́цѝ у Пáна въ свѣтли́цѣ, сáми-жъ мы въ темни́цѣ! —
Ой вы Запорóзцѝ, óй вы молоды́и! дé-жъ вáши лýки?
— Нáши лýки побрáли гайдýки, сами́-жъ мы въ розлýкѣ! —
Ой вы Запорóзцѝ, ой вы молоды́и! дé-жъ вáши жупáны?
— Нáши жупáны поноси́ли Пáны, сами́-жъ мы пропáли! —
Ой полети́, полети́, да чóрная гáлко, да на Дóнъ рыбы ѣсти!
Ой принеси́, принеси́, да чóрная гáлко, одъ Кошовóго вѣстѝ!“
— Да вже-жъ менѣ не лѣтáти на Дóнъ рыбы ѣсти,
Да вжé-жъ менѣ не носи́ти одъ Кошовóго вѣстѝ! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спáвъ пýгачъ на могúлѣ, да й крúкнувъ вóнъ: пýгу!
Чи не дáсть Богъ козáченькамъ хочъ тепéръ по-пýгу! . . .
Що дéнь, що нóчъ — усé ждемó . . . пожúвы не мáемъ:
Давнó булá! Хмельни́ченька ужé не згадáемъ!
Ой колú-сь мы воёвáли, да бóльше не бýдемъ! . . .
Того́ счáстя й тóи долѝ — повѣкъ не забýдемъ!
Да вжé шáблѝ заржáвѣли, мушкéты — безъ кýркóвъ,
А щé сéрдце козáцькее не боúтся Тýркóвъ!

ЛАНСКІЙ РѲГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По доли́нѣ волы́ реву́ть: ой чому́-жъ то не ко́нѝ ржу́ть —
Ко́нѝ вороны́и, ко́нѝ выпряжны́и!

Ой коли́сь-то ко́нѝ, ко́нѝ... по Кры́мськôй доро́зѣ;
То́-то було́ сча́стье, до́ля у Ла́нському ро́зѣ!...

А въ Ла́нському ро́зѣ я́воръ похили́вся:
Ой Тата́ринъ тя́жко-ва́жко ве́ртью закрути́вся.

Чи въ те́бе, Тата́рине, горѣ́лонька увъ очи́хъ запѣ́ла?
Чи въ те́бе, Тата́рине, голо́воньку ча́ра заломи́ла?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Се́рбине, Се́рбине! поки́нь сербова́ти,
Вôзьми́ се́рпъ, да йди́ въ сте́пъ пшени́ченьку жа́ти.

— Бо-да́й-же ты, дѣвчи́нонько, того́ не дôжда́ла,
Да що́-бъ моя́ бѣ́ла ру́чка пшени́ченьку жа́ла. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губерніи осталось объ немъ много преданій, и урочище *Се́рбинъ Яръ*. Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Се́рбине, Серби́ночку,
Сва́тай мене́ дѣвчи́ночку!...

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Се́рбина не люби́ть, чи що́жъ не хоро́шій:
Очи си́нѣ якъ у жа́бы, са́мъ на чо́рта схо́жій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, который столь грозно славился въ Украинѣ лѣтъ десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичъ Сомовъ (подъ именемъ П. Байскаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гаркуша до́бра ду́ша на шля́хъ поглядае́,
Свою́ лю́бу Горпи́ницю выжида́е.

ЛИМАНЪ.

48.

(Отрывокъ.)

У ни́зъ иду́ — вода́ несе́;
Зъ ни́зу иду́ — бѣда́ жене́.
Жалку́ется Лима́нъ Мо́рю,
Що Дне́пръ ро́бить свою́ во́лю:
Свої́ го́рла прочища́е,
Лима́новї закида́е . . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Относится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збі́ра́лися комиса́ры по́дъ ца́рськи́ пала́ты,
Пи́шуть ли́сты на Вкраи́ну по́дъ арши́ны бра́ти.
Написа́ли на Вкраи́нѣ вдо́винаго сы́на:
Ой то́жъ коза́къ уродли́вый, дохо́дить арши́на.
Ой зачу́е-жъ спара́ не́нька, Ивасёва ма́ти:
„Ой де́-жъ тебе́, мо́й сыноньку, я ма́ю схова́ти!“
— На що́-жъ мене́, матю́сенько, ты ма́ешъ хова́ти,
Бу́ду тобѣ́ изъ столи́цѝ черво́нныи сла́ти! —
„На що́-жъ менѣ́, мо́й сыноньку, черво́нныи твои́?
Що нѣкому похова́ти голо́воньки менѣ́!“
— Похова́ють, моя́ не́не, тебе́ до́бри́ лю́ди,
Ой якъ мене́ молодо́го до тѣ́бе не бу́де. —
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко коня́ напова́е;
Его́ не́нька спаре́сенька въ во́кно́ погляда́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко ко́ника сѣдла́е;
Его́ не́нька спаре́сенька сильне́нько рыда́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко на коня́ сѣда́е;
Его́ не́нька спаре́сенька кры́жемъ упада́е.
Вдо́винъ сыно́къ вдови́ченко зъ двора́ выѣзжа́е;
Его́ не́нька спаре́сенька за стреме́нъ хапа́е. . .
Ой въ го́родѣ въ Оча́ковѣ вда́рили изъ лу́ка:
Да вже́-жъ тобѣ́, вдо́винъ сы́ну, зъ ма́тѣ́рью розлу́ка.
У го́родѣ въ Оча́ковѣ вда́рили зъ гарма́ты:
Уже́-жъ тобѣ́, вдо́винъ сы́ну, ма́нки не вида́ти!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Чепѣги*, а свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникѣ 15-го Августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу, говоренную Потемкину Запорозцями на Великъдень* (Христо́съ воскре́съ, радъ мі́ръ уве́съ....); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ отцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой го́дѣ намъ журі́тися, пора́ переста́ти:
Дожда́лися одъ Цари́цѣ за слу́жбу запла́ты!

Дала́ хлѣ́бъ-со́ль и гра́моты за вѣ́рныи слу́жбы;
Отъ-тепе́ръ мы, ми́лі́ бра́тця! забу́демъ всѣ ну́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Ту́тъ-то мы бу́демо жи́ти и ры́бу лови́ти,
И вра́жого да Черке́са по кру́чамъ гони́ти.

Въ Тама́нѣ жи́ть, вѣ́рне служи́ть, грани́цю держа́ти,
Ры́бу лови́ть, горѣ́лку пи́ть, ще й бу́демъ бага́ти.

Да вже тре́ба жени́тися и хлѣ́ба роби́ти;
А хто прі́йде изъ невѣ́рныхъ, то якъ чо́рта би́ти.

Сла́ва Бо́гу и Цари́цѣ, а поко́й Гепьма́ну!
Залѣчи́ли въ сердця́хъ на́шихъ вели́кую ра́ну.

Благодаре́мъ мы Цари́цю, моле́мося Бо́гу,
Що Вона́ намъ указа́ла на Тама́нь доро́гу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ БЫТОВЫЯ.

Ой хворшу́но, хворшуни́но! послужи́ менѣ́ ще тро̀шки:
Служи́ла въ коза́цивѣ, служи́ла въ бурлацивѣ, послужи́ въ чума́цивѣ!

Украин. пѣсня.

Пѣсни сего отдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ, бурлацкомъ, чумацкомъ* и *гайдамацкомъ*.

Н. — **БУРЛАЧСТВОМЪ** называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ **БУРЛАКОВАТИ**, (на-заробо́тки). Слово бурла́ка значитъ еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдама́къ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово **ГАЙДАМА́КА** принимается въ смыслѣ разбойника (розби̂ша́ка), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — **ЧУМАКАМИ** называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь **ЧУМАКОВА́ТИ**, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ встарину употребительнаго слова: *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. **Чумачство** издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Ме́рджѣ на ла́воньцѣ сиди́ть *Чумга́ Тарабу́лъ*:
Въ ёго лю́лька паху́лька, а тютю́нъ пороху́нъ."

Въ Полт. Губ. есть село *Чумга́къ*.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на проганя́е:
По̂ди́, сы́ну, геть одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Ту́рки во̂зьмуть!
Мене́, не́не, Ту́рки зна́юпь —
Мене́ ко̂ньми надѣля́ють!

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на проганя́е:
Поди́ сы́ну, геть одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Орда́ во̂зьме!
Мене́, не́не, Орда́ зна́е —
Сре̂бло́мъ, зло́потомъ надѣля́е!

Ста́рша сестра́ коня́ веде́,
А по̂дста́рша збро́ю несе́,
А ме́ньшая выпы́туе:
Коли́, бра́те, зъ во̂йська прiйдешъ?

Во̂зьми́, се́стро, пе̂ску́ жме́ню, (159)
Посе́й его́ на каме́ню,
Ходи́ къ ему́ зо̂ро́ньками,
Поливай его́ сле̂зо́ньками:

(159) Жме́ня — горсть.

Коли́, се́стро, пе́сокъ зо́йде —
Тогди́ бра́тъ пиво́й зъ во́йська прийде!
Го́мо́нъ, го́мо́нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ши сы́на призыва́е:
Верни́сь, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́ю тобѣ голо́воньку!
Мене́, не́не, змы́ють до́жчи́,
А розче́шуть густи́ ше́рны,
А вы́сушуть бу́йни ве́тры! . . .

2.

По-надъ мо́ремъ, Дуна́емъ
Ве́теръ я́воръ хита́е, (160)
Ма́ши сы́на пыта́е:
— Ой сы́ну мо́й Ива́не,
Дитя́ мое́ коха́не! (161)
Чи менѣ тебе́ ожени́шь,
А чи въ во́йсько урядишь? —
Якъ я́ тебе́ колыха́ла,
Усю́ но́ченьку не спа́ла;
Якъ я́ тебе́ зрости́ла,
Сама́ себе́ звесели́ла;
Якъ я́ тебе́ ожено́
Всю ро́ди́ну звеселю́;
Якъ я́ тебе́ въ во́йсько о́ддамъ,
Собѣ жа́лю я зада́мъ! —
„Не журися, моя́ ма́ши,

(160) Хита́ти — качать. (161) Коха́ный — возлюбленый, милый.

Вже сёго́ не минова́ти!
Испра́въ менѣ́ три трубы́,
Да усѣ́ три мѣдяни̂,
А четве́ртую трубу́
Испра́въ менѣ́ золоту́.
Въ пе́ршу трубу́ я загра́ю,
Якъ ко́ника осѣдла́ю;
А въ другу́ю я загра́ю,
Яхъ на ко́ника сѣда́ю;
А въ тре́тюю я́ загра́ю,
Зъ твого́ двора́ ѣдучи́;
А въ четве́рту затрублю́
Сере́дъ во̂йська стоючи́
И ша́бельку держучи́.

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое:

Ой у по́лѣ да де́рево
Зеле́не, кудря́ве,
По̂дъ ты́мъ де́ревомъ
Сиди́ть ма́ти зъ сы́номъ
Вѣ́теръ де́рево хита́е и проч...

Въ другомъ конецъ такой:

Якъ зачу́ла те́е ма́ти
Ста́ла пла́кати, рыда́ти:
„Ой сыне мо̂й Ива́не,
„Дитя́ мое́ коха́не!
„Ой коли́-бъ же я зузу́ля,
„Я-бъ до те́бе полину́ла! (162)

(162) Поли́ну́ти — полетѣть.

3.

Засвиста́ли коза́ченьки въ похо́дъ зъ-полуно́чи̂;
Запла́кала Мару́сенька свои́ я́сни̂ очи̂. —

Не пла́чъ, не пла́чъ, Мару́сенько! не пла́чъ, не журися:
За своёго́ миле́нького Бо́гу помоли́ся! —

Стои́ть мѣ́сяць надъ горо́ю да со́нця нема́е;
Ма́ти сы́на въ доро́женьку слêзно проважа́е.

„Проща́й, ми́лый мôй сы́ночку, да не забавля́йся! (163)
Чере́зъ чоты́ри̂ недѣ́лоньки до-до́му верта́йся.“

— Ой ра́дъ бы я, мату́сенько, скорѣ́йше верну́ться;
Да вже́ що-сь мôй воро́ненькій въ ворôтяхъ
зпôткну́вся.

Ой Богъ зна́е коли́ верну́сь, въ яку́ю годи́ну:
Прійми́-жъ мою́ Мару́сеньку, якъ рôдну дити́ну.

Прійми́ êи́, мату́сенько — всѣ въ Бо́жіêй во́лѣ!
Бо хто зна́е: чи жи́въ верну́сь, чи ля́жу на по́лѣ?“

„Ой ра́да я Мару́сеньку за рôдну приня́ти;
Да все́ не та́къ вона́ мене́ бу́де шанова́ти.“

— Ой не пла́чте, не журѣ́тесь, въ ту́гу не вдава́йтесь:
Загра́въ мôй кôнь воро́ненькій, наза́дъ сподѣва́йтесь!

(163) Ба́витися — мѣшкать.

4.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ *Семеномъ Климовскимъ*, жившимъ около 1724 г.

Ѣха́въ Коза́къ за Дуна́й,
Сказа́въ: дѣ́вчино, проща́й!
Ты, ко́нику воро́ненькій,
Неси́ да гуля́й!

„Постѝй, постѝй, коза́че!
Твоя́ дѣ́вчина пла́че;
Съ кѣ́мъ ты мене́ покида́ешъ —
Тѝльки подума́й!“

Бѣ́лыхъ ру́чокъ не лама́й,
Ясныхъ о́чокъ не зтира́й,
Мене́ зъ войны́ изъ сла́вою
Къ собѣ́ дожида́й.

„Не хо́чу я нѝчого́,
Тѝльки тебе́ одного́;
Ты будь здоро́въ, мѝй миле́ньній —
А все́ пропада́й!“

Свѝснувъ Коза́къ на коня́:
Зоставайся, молода́!
Я прѣ́ду, якъ не згѝну,
Чере́зъ три года́ . . .

Тебе́-жъ, ми́ла, не забу́ду,
Поки́ жи́въ на свѣ́тѣ бу́ду;
Коли́-жъ умру́ на войнѣ́,
Попла́чь обо́ мнѣ́! . . .

5.

— Що́ ты, ми́лый, ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́бутьмене́ поки́нупти ма́ешъ!
Ра́но вста́ешъ, коня́ напова́ешъ,
Зеле́ного сѣньця́ по́дклада́ешъ,
Жовте́нького во́вса́ по́дсыпа́ешъ;
Въ сѣнечки йде́шъ — сѣде́льця пыта́ешъ,
Въ комо́ру йде́шъ — нага́йки шука́ешъ,
Дитя́ пла́че, ты не поколы́шешъ. —
Все на ме́не ва́жкимъ ду́хомъ ды́шешъ,

Ой у поро́га ревну́ла коро́ва, —
„Зоставайся, ми́лая, здоро́ва!“
Ой ревну́ло ще й мале́ теля́тко —
„Зоставайся мале́е дитя́тко!“
Ми́ла зъ ха́ты выбѣга́ла,
Свого́ мило́го за стреме́нъ хапа́ла.
— Ой верни́ся, мо́й ми́лый, верни́ся,
Варе́ной горѣлки напи́йся,
И въ голубо́й жупа́нъ приберѝся,
И на ме́не ми́лу подиви́ся! —
„Не верну́ся, ми́ла, не верну́ся!
Я въ доро́зѣ й сыро́и на́пьюся,
И на чужу́ ми́лу подивлю́ся,
До тебе́ въ недѣлю верну́ся,
Въ зеле́ный жупа́нъ приберу́ся.“
— Ой не ѣдь же, мо́й ми́лый, ни́зомъ,
Заки́дана доро́женька хмы́зомъ. — (164)

(164) Хмызъ — хворость.

„Ой е́ въ ме́не ко́никъ вороне́нькій,
Перескочить той хмызо́къ дрôбне́нькій.
Ой у по́лѣ вовки́ да лиси́цѝ,
Ой то́-жъ мои бра́тья да сестри́цѝ.
Ой у по́лѣ чо́рный во́ронъ кря́че,
То-жъ мою́ вôнъ го́лову ба́че.“

6.

Ой поважа́й стару́ ма́тѐрь, хочь вона́ й не рôдна:
Коха́й, коха́й дѣвчи́ноньку, хочъ вона́ и бѣ́дна.

— Не для то́го стара́ ма́ти що-бы́ поважа́ти:
Не для то́го бѣ́дна дѣ́вка, що-бъ ѐй коха́ти.

Ой поважа́й сестру́ свою́, сироту́-вдови́цю:
Коха́й, коха́й молоди́цю, га́рну соболи́цю.

— Не для то́го се́стры, вдо́вы, що-бъ ѝхъ поважа́ти:
Не для то́го молоди́цѝ, що-бы ѝхъ коха́ти.

Ой поважа́й отця́ свого́, да поважа́й бра́та:
— Не для то́го воны́ живу́ть, що-бъ ѝхъ поважа́ти.

Коли́ тре́ба поважа́ти, то мы зна́емъ за́-що:
Да й не ма́му, да й не та́та, ни сестру́, ни бра́та.

Ой у ме́не е́ коня́ка, да й га́рный коня́ка:
Ой які́й вôнъ волоцю́га, які́й розбиша́ка!

Ой того́-то я коня́ку поважа́ти бу́ду,
За ёго́ не взя́въ-бы́ срѐбла хочъ по́вную груду́.

Ой ще́ на моёму бо́цѣ е́ шабе́лька га́рна,
Спыта́й ѐѐ, спыта́й ѐѐ, чѣмъ вона́ не па́нна?

Ой па́нночко на́ша, па́нночко шаблю́ко,
Зъ бусурма́номъ зустрѣва́лась (165) да й не двôчи цѣлова́лась.

(165) Встрѣчалась.

7.

Соко́лоньку сы́нку, чини́ мою́ во́лю:
Прода́й коня́ ворonóго, верни́ся до-до́му.

— Соколи́хо ма́ти, коня́ не прода́ти,
Мому́ коню́ ворonóму тре́ба сѣньця́ да́ти.

Соко́лоньку сы́нку, ры́бъ намъ не лови́ти,
Нѣ́чого намъ ѣ́сти — го́лодомъ сидѣ́ти.

— Соколи́хо ма́ти, пусти́ погуля́ти,
Бу́ду гуля́ть, да гуля́ти, до́леньки шука́ти.

Соко́лоньку сы́нку! хиба́-жъ тепе́ръ вре́мя?
— Вре́мя, ма́ти, вре́мя! орлу́ ра́зъ-то вре́мя.

Ой привезу́, ма́мо, тобѣ́ три жупа́ны,
Да всѣ́ ты́ри три жупа́ны всѣ́ сре́бломъ попка́ни;

Ой мѣ́жъ тѣ́ми оди́нъ жупа́нъ изъ само́го Ха́на:
Ой проща́й-же, моя́ ма́мо, по́йду́ я до Ха́ма.

8.

„Ой пано́ве-мо́лодцѝ, во́дко́ль идете́?
Да зъ яко́и споро́ночки, да що́ везете́?“

— Ой, Па́не-Гетьма́не! були́ въ бусурма́на:
Бага́цько въ чортя́ки вся́кого надба́не! —

„А що́-жъ вы, пано́ве, чого́ шамъ чува́ли,
Яко́го вида́ли, яко́го зо́бра́ли?“

— Що́, Па́не-Гетьма́не! по три сму́хи зъ бара́ка,
Четве́рту маленьку зъ самого́ бусурма́на. —

9.

Ой у лу́зѣ да кали́на весь лу́гъ изкрасила:
Породи́ла спара́ ма́ти жовнѣ́ронька сы́на.

„Породи́ла-жъ мене́ ма́ти шемне́нькои но́чи̂,
Дала́ менѣ́ бѣ́ле ли́чко и чо́рныи о́чи̂.

Було́-бъ менѣ́ бѣле́нького ли́чка не дава́ти,
Було́-бъ менѣ́, моя́ ма́ти, сча́стье и до́лю да́ти!

Породи́ла мене́ ма́ти въ Святу́ю Недѣ́лю:
Дала́ менѣ́ лиху́ до́лю — де́-жъ е̂е̂ подѣ́ну?...

Лиху́ до́лю ни прода́ти, а ни промѣня́ти;
Всю́ды лю́ди ли́хо зна́ють, не хо́тя́ть купова́ти!“

Розвива́йся, сухи́й ду́бе! за́втра моро́зъ бу́де,
А вже́ тобѣ́, гарный хло́пче, за́втра похо́дъ бу́де!

— Я моро́зу не бою́ся, за́втра розвину́ся!
„Я похо́ду не бою́ся, за́разъ выбе́ру́ся!“

Пла́че ми́ла, пла́че чо́рными очи́ма:
— Вече́ронька на сполѣ́, а сме́рть за плечи́ма! —

„Кро́пить до́жчикъ доро́женьку да що́бъ не курѣ́ла:“
Ой пора́дьте моей ми́ло́й да що́бъ не тужи́ла!“

10.

Ой сѣ́въ коза́къ е̂сти, иду́ть къ ёму́ ве̂сти̂:
Ки́дай, коза́къ, вече́ряти, ча́съ на коня́ се̂сти!
Коза́къ покида́е, на коня́ сѣда́е,
Ма́ти ёго́ ро́дне́нькая зъ жа́лю омлѣва́е.

„Не дай, Бо́же, сме́рти́, въ чужо́мъ кра́ю вме́рти:
Нема́ кому́ жалкова́ти, голо́вки связа́ти!
Во́ронъ прилѣта́е, въ во́чи́ загляда́е,
Бѣле тѣ́ло объѣда́е, ко́стки́ покида́е!...“

11.

Ой кря́че, кря́че чорне́нькій во́ронъ
Да на глыбо́ко́й доли́нѣ;
Ой пла́че, пла́че молоды́й коза́че
По несчастли́во́й годи́нѣ.
Ой кря́че, кря́че да чорне́нькій во́ронъ,
Да у лу́зѣ надъ водо́ю;
Ой пла́че, пла́че молоды́й коза́че
На ко́нику на воронóму.
— Вороны́й ко́ню! гра́й ты по́до мно́ю,
Да розбі́й ты ту́гу мо́ю!
Розбі́й, розбі́й ту́гу по тѣ́мному лу́гу
Козако́ви да молодо́му. —
Ой ѣде коза́къ да доро́женькою,
Слѣзо́ньками умыва́ется:
— Де́-сь моя́ не́нька, де́-сь мо́я стары́нька
Да за мно́ю убива́ется!
Да въ недѣлоньку ра́но по-ране́ньку,
Да якъ со́нце не заходи́ло,
Да зъѣжа́лася вся моя́ роди́на,
Вона́ мене́ выпроводи́ла.
Выпровожа́ешъ, моя́ роди́нонько!
Да чи не жа́ль тобѣ бу́де,
Якъ я пое́ду на ту́ Украи́ну,
Да мѣ́жъ чужи́и лю́ди?

Ой згада́й мене́, моя́ стара́ не́не,
Сѣда́ючи да обѣда́ти:
Де-сь моя́ дити́на на чужо́й сторонѣ́,
Да нѣ́кому да одвѣда́ти!
Ой згада́й мене́, моя́ стара́ не́не,
Якъ ся́дешъ у ве́черѣ ѣ́сти:
Де-сь моя́ дити́на на чужо́й сторонѣ́,
Да нема́е одъ не́и вѣ́сти.

12.

Стои́шь я́воръ надъ водо́ю, въ во́ду похили́вся;
На козака́ приго́донька (166), коза́къ зажури́вся.

Не хили́ся, яворо́ньку, ще́ ты зелене́ньки́й!
Не жури́ся, коза́ченьку, ще́ ты молоде́ньки́й!

Не ра́дъ я́воръ хили́тися — вода́ корни́ мы́е;
Не ра́дъ Коза́къ жури́тися, да се́рденько ны́е!

Ой пое́хавъ въ Моско́вщину коза́къ молоде́ньки́й
Оре́хове сѣде́лечко и ко́нь вороне́ньки́й.

Ой пое́хавъ въ Моско́вщину да та́мъ и заги́нувъ
Казавъ собѣ́: насы́пали высо́ку могилу,
Казавъ собѣ́: посади́ли въ голо́вкахъ калину!

Бу́дуть пта́шки прилета́ти калиноньку ѣ́сти,
Бу́дуть менѣ́ приноси́ти одъ ро́доньку вѣ́сти!..

(166) Невзгодье, бѣда.

13.

Го́ре менѣ на чужинѣ,
Що́ не вку́пѣ браты́ мои́:
Оди́нъ въ Сѣчѣ Отама́номъ,
Дру́гій въ степу́ зъ Ваша́жкою,
Тре́тій До́йно Дойни́ченько . . .
По-на́дъ Днѣстро́мъ До́йно хо́дить,
Де́вятеро ко́ней во́дить,
На деся́тóмъ поѣзжа́е,
Днѣстра́ бра́томъ называ́е.
„Днѣстре бра́те, побраша́ймось!
Скажи́ рѣчцѣ Савра́нськóй (168)
И прикмѣтѣ (168) коза́цькóй.“
Въ-го́ру, До́йно Дойни́ченько!
Тамъ рѣченька Савра́нська
И прикмѣта коза́цькая . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лѣ,
Зъ ору́жины ого́нь кре́ше,
Ска́лки ло́мить, розклада́е,
Въ свои́ ра́ны загляда́е:
Пострѣлены — къ се́рдцю прійшли́,
Поруба́ны — кро́вью зо́йшли́. —
Заклада́вся оре́лъ зъ коне́мъ,
А за шы́ни крини́ченьки:

(167) *Савранка* впадаетъ въ Бугъ. (168) *Прикмѣта* — смышленость, удальство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
Менѣ крильця повпинаешъ!“
— Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
Мѣнѣ ноги повпинаешъ. —
Ой конь бѣжитъ, земля дрожитъ;
Орелъ летитъ, перо дзвенитъ;
Ой конь бѣжитъ все ярами,
Орелъ летитъ все лугами.
Конь до воды прибѣгае,
Орла брата выглядае:
Орелъ летитъ и не смѣе
Коня брата не познае;
Дарую, коню, крылечками,
А хто ходитъ ножечками!

14.

„Водколь ѣдешъ?“ — Одъ Дунаю! —
„А що чувавъ про Михайлу?“
— Эге! чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
Козаченьки на чотыри,
А Татаре поле крыли.
А въ томъ войську козацькому
Ѣхавъ возокъ да й покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою козацькою.
А въ томъ возку було тѣло,
Порубане, почорнѣло;
За тѣмъ возкомъ конь лыцарськiй;
Веде коня хлопъ козацькiй,
Держитъ списъ въ руцѣ довгенькiй,
А у другой мечъ ясненькiй.

Ой ще́ зъ меча́ и кро́вь тече́!
По Михайлѣ ма́ти плаче́ . . .
Не ду́же во́нъ поруба́ный:
Голо́вонька на три ча́сти,
Бѣле тѣ́ло на чотыри́!
На́-що, ма́ти, спра́ву дба́ти (169)!
Тре́ба досчо́къ добува́ти,
Хоро́мину будова́ти!
Дай три до́ски клено́вы,
А чепве́рту сосно́вую:
Безъ дверь ха́та, безъ во́ко́нець,
Бо вже́ прійшо́въ ёму́ ко́нець!

Въ другихъ варіянтахъ находятся слѣдующіе стихи:

А въ тѣмъ во́зку́ коза́къ лежи́ть
Постре́ляный, поруба́ный,
На три ча́сти роздѣ́леный;
Въ правой руцѣ́ ша́блю держи́ть,
А зъ той ша́блѣ кро́вця́ бѣжи́ть —
Бѣжи́ть ре́чка крова́вая,
Надъ ре́чкою я́воръ стои́ть,
Надъ я́воромъ во́ронъ кря́че,
За коза́комъ ма́ти пла́че,
Вона́ пла́че и рыда́е,
Свого́ сы́на не по́зна́е.

(169) Яствы готовить.

Сиди́ть во́ронъ на́дъ скало́ю
Похиту́е голово́ю:
— Ой я́ твого́ сы́на зна́ю,
Три́чи на́ день по́пасъ ма́ю,
Зо̂ лба́ о́чи выбира́ю.
Иди́, стара́, до-до́мочку,
Во̂зьми́ пе̂ску́ въ пра́ву ру́чку,
Посѣ́й ёго́ въ горо́дочку,
Якъ то́й пе̂со́къ въ-го́ру зо̂йде,
Тогди̂ сы́нъ до те́бе прі́йде!

15.

Вѣ́теръ гуде́, трава́ шуми́ть,
Коза́къ бѣ́дный уби́тъ лежи́ть
На купи́нѣ голово́ю,
Накры́въ о́чи осоко́ю.
Ко̂нь вороны́й у но̂женькахъ,
Оре́лъ си́зый въ голо́вонькахъ;
Во̂нъ козака́ догляда́е,
На ку́чери̂ наступа́е . . .
Во̂нъ до ёго промовля́е:
„Си́зый о́рле, побрата́ймось!
Якъ ты́, бра́те о́рле, ста́нешъ
Зъ ло́бу о́чи̂ выдира́ти,
Да́й же моѐй не́ньцѣ зна́ти,
Моѐй не́ньцѣ старе́сенько̂й,
Мату́сеньцѣ ро̂дне́сенько̂й.
Ой зна́й, о́рле, що́ каза́ти,
Якъ у те́бе моя́ ма́ти
Бу́де про ме́не пыта́ти!

Скажи́: слу́жить вôнъ у Ха́на,
Въ па́на Ха́на Тата́рина,
У Кры́мського Добро́дѣя;
Да вы́служивъ королêвоньку,
Въ чистôмъ по́лѣ моги́лоньку. . .“

16.

Ой кôнь бѣжи́ть, трава́ шуми́ть:
Да вже́жъ коза́къ уби́тъ лежи́ть,
На купи́нѣ голово́ю,
Прикры́въ но́ги осоко́ю,
Жо́вте тѣ́ло рокито́ю,
Бѣ́лî ру́ки хустино́ю,
Ясне ли́чко китайко́ю. . .
Въ голо́вонькахъ во́ронъ кря́че,
А въ нôженькахъ ко́никъ пла́че;
Копы́томъ зе́млю выбива́е,
Свого́ па́на вôнъ пыта́е:
— Ой па́не-жъ мôй, па́не,
Па́не копита́не!
Ой кому́ мене́ вруча́ешъ,
Кому́ коня́ покида́ешъ?
Чи Ту́рчину, чи Та́тарину? . . .
„Тебе́, ко́ню, Ту́рчинъ не пôйма́е,
А Тата́ринъ не ŏсѣдла́е.
Ой бѣжи́, ко́ню, те́мными луга́ми,
Бѣжи́, ко́ню, би́тыми шляха́ми;
Да прибѣжи́, ко́ню, до дво́ру,

Та вдарь копы́шомъ въ боло́ну!
А вы́йде до тебе́ не́нька старе́нька,
Коза́цькая матусе́нька;
Вона́ бу́де тебе́ за по́воды бра́ти,
Бу́де тобѣ сѣна по́дклада́ти,
Во́всá бу́де тобѣ по́дсыпа́ти,
Холо́дною води́цёю напова́ти,
И скро́зь слёзы про ме́не пыта́ти.
Да не кажи́, ко́ню, що я уби́вся,
А скажи́, ко́ню, що́ я ожени́вся,
Да поня́въ себѣ паня́ночку,
Въ чи́сто́мъ по́лѣ земля́ночку —
Що куды́ вѣтеръ не вѣе,
Ни со́нечко вже́ не грѣе. . .
Безъ во́ко́нець и безъ двере́ць —
Тамъ спи́ть коза́къ-молоде́ць. . .“

17.

Ой у по́лѣ снѣжо́къ по́роши́ть
Ажъ та́мъ коза́къ забитъ лежи́ть,
На [illegible]упи́нѣ головою,
На[illegible]ывъ о́чи́ муравою,
Мурáвою зелено́ю,
Червоно́ю китайко́ю.
Въ голо́вонькахъ во́ронъ кря́че,
А въ но́женькахъ ко́никъ пла́че:
— Або́ мене́, па́не, пуска́й,
Або́ менѣ запла́шу да́й! —
„Зо́рви́, ко́ню, шовко́вый по́водъ,
Бѣжи́, ко́ню', доро́гою,
Зеле́ною дубро́вою;

Выѣжъ правы́ двѣ коса́рй,
Выпій воды́ два озе́рй,
По́дбѣжай, ко́ню, по́дъ воро́на,
А вда́рь ко́ню у копы́та!
А вы́йде до те́бе не́нька стара́нька,
Коза́цькая мапусе́нька —
Ой зна́й, ко́ню, що́ каза́ти,
Якъ бу́де у те́бе пыта́ти:
Ой ко́ню мо́й ворове́нькій,
А де́ твій па́нъ молоде́нькій?
Чи ты́ ёго́ въ во́йську згуби́въ,
Чи ты́ ёго́ по́дъ се́бе зби́въ? —
А ни я́ ёго́ въ во́йську згуби́въ,
А ни я ёго́ по́дъ се́бе зби́въ:
Заслужи́въ во́нъ паня́ночку,
Въ чи́стомъ по́лѣ земляночку! . .“

18.

(Га́лицкая)

Чо́рна ро́ля́ (170) зао́рана — *гей, гей* —
Чо́рна ро́ля́ зао́рана
И ку́лями (171) засѣ́яна,
Бѣ́лымъ тѣ́ломъ зволо́чена, — *гей, гей* —
И крово́ю сполощена.

Лежи́шь войкъ на купинѣ́ — *гей, гей* —
Лежи́шь войкъ на купинѣ́,
Накры́въ о́чй кишайко́ю.

(170) Ро́ля́ — пашня. (171) Ку́ля — пуля.

Китáйкою червоною́ — *гей, гей* —
Накры́въ о́чи китайко́ю.

А ни́ труны́ (172), а ни́ я́мы — *гей, гей* —
А ни́ труны́, а ни́ я́мы,
А ни́ во́пця́, а ни́ ма́мы.
А нѣ́кому задзвони́ти — *гей, гей* —
А нѣ́кому замужи́ти!

Дзво́нять ко́ни́ копыта́ми — *гей, гей* —
Дзво́нять ко́ни́ копыта́ми,
А воя́ки острога́ми.
Дзво́нять ко́ни́ копыта́ми — *гей, гей* —
А воя́ки острога́ми.

Лети́ть во́ронъ зъ чужи́хъ спо́ронъ — *гей, гей* —
Лети́ть во́ронъ зъ чужи́хъ спо́ронъ,
На моги́лѣ усѣда́е,
Очи́ ёму́ выпива́е — *гей, гей* —
Очи́ ёму́ выпива́е.

Хо́дить ма́ти гука́ючи — *гей, гей* —
Хо́дить ма́ти гука́ючи,
Сы́на свого́ шука́ючи.
— Ой я́ твого́ сы́на зна́ю — *гей, гей* —
Бо я́ зъ ёго по́пасъ (173) ма́ю!

„Скажи́ менѣ́, во́ронъ ми́лый — *гей, гей* —
Скажи́ менѣ́, во́ронъ ми́лый:
Чи мо́й сыно́къ ще́ бѣ́лый,
Чи ще́ о́ченьки ясне́ньки — *гей, гей* —
Да чи уста́ румяне́ньки?...“

(172) Труна́ — гробъ (173) Пастуху.

— Вжé ёгó устá синéнькй — *гей, гей* –
Вжé ёгó устá синéнькй,
Егó лúчко вжé чорнéньке,
Я на лúчку присѣдáю — *гей, гей* —
Очй ёмý вышивáю!...

19.

По-за сáдомъ зеленéнькимъ дорóжка лежáла:
Молодáя тудú панй нéкрушъ выряжáла,
Выряжáла на воронóмъ конúченьку.
— Вúйди, вúйди, сéрдце моé, дѣвчúнонько! —
Ой не вúйшла дѣвчúнонька, вúйшла спарá мáти;
Взялá коня́ за пóводы, да й стáла пытáти:
„Ой сúну-жъ мóй, соколóньку, дéжъ тебé шукáти?“
— Шукáй въ степý, крáй дорóги, моя́ рóдна мáти!
Тамъ я бýду, моя́ мáти, горéмъ горевáти —
Своúмъ чýбомъ кучерявымъ степú успилáти,
А своéю кровúцею мóря доповняти,
А щé своúмъ бѣлымъ пѣломъ орлú годовáти.....
„Бо-дáй же вы, вороженьки, всѣ рáзомъ пропáли,
Якъ вы тýю бѣдý знáли, менѣ не сказáли;
А тодй вже вы сказáли, якъ сúна пóймáли!
А пóймáли мого́ сúна, да рýки звязáли,
Повязáвши бѣлй рýки, везýть до Прилýки,
„А зъ Прилýки до Полтавы, до вѣчной присáги
Присáгъ Царю, присáгъ Бóгу, одрéкся одъ рóду,
Прощáй, сúну, мóй гóлубе, не дýмай до дóму!

20.

До вдо́виного двора́
Лежи́ть доро́жка нова́,
А въ то́мъ дворѣ́ столы́ теса́нѣ,
По-мѣ́жъ тѣ́ми столо́ми
Сидя́ть паны́ряда́ми,
Пи́шуть ли́сты пѣра́ми,
Пи́шуть, пи́шуть и ряда́ть
Кого́ въ некру́ты отда́ть.

— Де пя́ть — тамъ не бра́ть;
Де чотыри́ — тамъ вела́ть;
Де три́ — тамъ не ты́;
Де два́ — тамъ нѣ-льга́.

У вдови́ны оди́нъ сы́нъ,
И то́й по́шо́въ по́дъ арши́нъ;
По́дъ арши́номъ не до́йшо́въ
И запла́кавши по́шо́въ.

Паны́ его́ пожалѣ́ли
И купи́ли ко́ника,
И ко́ника й шабельку́,
По́шо́въ хло́пець до повку́.

Иде́ ма́ти, рыда́е,
Всю старши́ну зби́ра́е.
„Ой старши́на моя́ ми́ла,
Выпуска́йте мого́ сы́на.“

Обо́зва́вся одине́ць,
Уродли́вый молоде́ць:

— Не плáчъ, мáти, не рыдáй,
Кáрыхъ óчей не зтирáй,
Ой тогдí ты заплáчешъ,
Якъ на мýштрѣ забáчишъ.

А чíй-же то ланы́
Позасѣвáли паны́?
А то того́ одинця́,
Вродли́вого молодця́.
А вы́йдемо на той лáнъ,
А вдáрѣмо въ барабáнъ.
Опъ: мáтерí на жáлость,
А старши́нѣ на рáдость.
Пóшла мáти плачучи́,
А старши́нѣ радощí.

21.

Ой крúкнули орлы́, зъ-за мóря летю́чи:
Заплáкали бурлáченьки въ невóлѣ сидю́чи.

— Давáй, Сóтськiй, пóшпу, коня́ вороно́го,
Да повезéмъ до прiёму хлóпця молодóго! —

Взяли́ да й помчáли пiéмными луга́ми;
А за ни́ми отéць, мáти, бúтними шляха́ми.

А дé на-нóчъ стáнуть, свѣтло задувáють,
Що рóдного отця́ й нéньки да не допускáють.

„Не плáчъ, моя́ мáти, не плáчъ, не журúся:
„Щé я молодéнькiй козáкъ, выслужýся!“

22.

Ой зачу́ла-жъ моя́ до́ля,
Що не бу́ти менѣ́ до́ма,
Бу́ти-жъ менѣ́ у нево́лѣ,
У некру́цькому набо́рѣ! —
Ско́ро коза́къ догада́вся,
До дѣвчи́ны захова́вся:
— Ой дѣвчи́но, моє́ се́рдце,
Зхова́й менѣ́ по́дъ ряде́ньце! —
Ско́ро лю́ди доглядѣ́ли,
Кругомъ ха́ту обступи́ли,
Въ дѣвки две́ри розломи́ли
И козака́ уловили;
Бы́стрій но́женьки зкова́ли,
Бѣ́лій ру́ченьки звяза́ли,
Посади́ли у во́зо́чокъ,
Сами́ сѣ́ли въ передо́чокъ,
Да й повезли́ въ городо́чокъ.
Са́ми ко́ней поганяютъ,
Да й на хло́пця погляда́ютъ —
Щобъ и ко́ней не втомили,
Щобъ и хло́пця не впусти́ли.
На ко́никахъ пѣна па́ла,
Неда́леко вже Полта́ва.
Пріѣхали до Полта́вы,
Оддапчики повстава́ли,
Быстрій но́жки розкова́ли,
Бѣ́лій ру́чки розвяза́ли,
Да повели́ у свѣтли́цю,
Посади́ли на скамни́цю,

Чо́рни̂ кудри̂ по̂дголи́ли
Да й муни́цю наче̂пи́ли,
По база́ру поводи́ли,
Ме́домъ - вино́мъ напои́ли.
„Лу́чче-бъ менѣ́ воло̂въ па́сти,
Не̂жъ тепе́ра зъ коня́ впа́сти!
Лу́чче-бъ менѣ́ погони́ти,
Не̂жъ зъ пана́ми говори́ти!
Лу́ччебъ менѣ́ зъ грабе́льками,
Не̂жъ тепе́ра зъ шабе́льками.“

23.

Ой ду́бъ на бере́зу го̂льемъ похили́вся,
Сы́нъ свое̂й ма́тери̂ до но̂гъ уклони́вся:
„Ой стара́ не́не, чо́мъ не же́нишъ ме́не?“
— На що́-жъ тебе́, сыну, молоды́мъ жени́ти?
Хиба́ тобѣ́, сы́ну, нѣ́ зъ кѣмъ говори́ти?
Куплю́ тобѣ́, сы́ну, коня́ вороно́го,
Коня́ вороно́го, говори́ до ёго. —
„Но подо́ба, ма́ти, зъ коне́мъ розмовля́ти:
Ой ча́съ и годи́на дѣвчи́ны шука́ти.
Ой ко́ню-жъ мо̂й, ко́ню, ко́ню вороне́нькій!
Ой чого́ ты стои́шъ на ста́нѣ смутне́нькій?“
— Того́ я смутне́нькій, що ты молоде́нькій,
Що ты́ ра́но встае́шъ, мене́ напова́ешъ,
Мене́ напова́ешъ, во̂зьме́шъ осѣдла́ешъ,
Куды́ погада́ешъ, туды́ й поганя́ешъ,
Ни̂где́ того́ ши́нку не мина́ешъ,
Мене́ вороно́го къ стовбу́ припина́ешъ.
Я сыру́ю зе́млю по поя́съ вы́бью,

До́ки тебе́, Па́не, зъ того́ пи́нку вы́зву.
Ой да́й менѣ сѣ́на по са́мій колѣ́на,
Дай менѣ́ воды́ по са́мій поводы́,
Ой да́й менѣ́ мо́чій по ка́рыи о́чій —
Тогдій гуля́й, Па́не, хоча́ до по́вно́чи!

24.

Ой га́лочки чорне́ньки́и кругу́ го́ру вкры́ли;
Молоды́и коза́ченьки жа́лю наробѝли.

Ой га́лочки чорне́ньки́и, по́до́йма́йтесь въ го́ру!
Молоды́и коза́ченьки, верта́йтесь до-до́му!

— Ой ра́дій мы по́дня́тися — тума́нъ налага́е.
— Ой ра́дій мы верта́тися — да Па́нъ не пуска́е.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Бердѝчовѣ, славно́мъ мѣ́стѣ,
Звербова́ли хло́пцо́въ дзѣ́стѣ.
А чѣ́мъ-же йхъ вербова́ли?
Зло́тыхъ гро́шей дарова́ли.

Въ Бердѝчовѣ, сла́вно́мъ мѣ́стѣ,
Звербова́ли хло́пцо́въ дзѣ́стѣ;
И ко́нюхи, и писа́рій
Увъ ула́ны приставѝли.

Приста́нь, Юрку, до вербу́нку,
Бу́дешъ ѣ́сти зъ ма́сломъ ку́рку,
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешь пи́ти,
Бу́дешъ якъ пано́къ ходи́ти.

Забу́дь та́та, забу́дь ма́му,
А са́мъ приста́нь увъ ула́ны!
Тепе́ръ ма́ешъ горёва́ти,
Лу́чше въ во̂йську панова́ти.

А въ ула́нахъ даю́ть гро́ши̂,
Бу́дешъ бага́тый, хоро́шій;
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешъ пи́ти
И хороше́ въ чѐмъ ходи́ти.

И хороше́ въ чѐмъ ходи́ти —
Довбе́шками во́ши би́ти.
И остроги́ побѣля́ни̂,
И чо́боты ваксова́ни̂.

Ки́тель бѣ́лый, ки́веръ ч́рный,
Хло́пець га́рный и мото́рный,
И чикчи́ры гаптова́ни̂,
Самы́ паны́ прибира́ни̂.

А зво̂дко̂ль вы? — Могиля́не.
А чія́ ты? — Ковалёва.
Ой я дѣ́вка мѐжъ дѣ́вками,
Череви́чки съ по̂дко̂вками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гéй-же! — Да журба́ менé скрушúла,
Да журба́ менé зсушúла, — *да гéй!*
Гéй-же! — за чужúми волáми ходючú,
Да чужíи возы́ мажучú, — *да гéй!*
Да нýте, волы́, помáлу,
Да выпягáйте изъ я́ру. —
Ой крúкнули журавлú,
Да хóдючи по ролé:
Да лýчче рóля ранняя,
А нéжъ тая́ пóзняя;
Що́ на ра́ннéй женцú жнýть,
А на пóзнéй скопóмъ бьют. —
Ой крúкнули молодцú,
Да сúдючи въ корчомцé:
Да лýчче жóнка першáя,
А нéжъ тая́ другáя;
Да що́ зъ пéршою дѣтéй мáвъ,
А зъ другóю розогнáвъ.
Да идýть дѣти служúпи,
Чóмъ мáчусь годúти! —
Да одúнъ пóшóвъ до попá,
Другíй пóшóвъ до жúда,
Трéтій пóшóвъ до пáна —
Щобъ мáчуха пропáла!
Хóдить бáтько по валý,
Клúче дѣтéй до-дому:

Да идѣть дѣти до-дому,
Не буде вамъ розгону!
— Живи, тату, якъ Богъ давъ,
Коли ны насъ розогнавъ!
Мы будемо служити,
За матерью тужити!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуляе до-волѣ,
А я козакъ на чужинѣ да не маю долѣ.

Выйду за ворона, надѣвши сѣмряку,
Ой хто-жъ мене да пригорне бѣдного нетяку!

Осѣдлаю коня да поѣду въ поле,
Прощай, прощай матусенько, моя родна ненько!“

— Ой ты сизый орле, высоко летаешъ,
Ой чи часто мого сына у вочѣ видаешъ?

„Сынъ твой, мати, въ полѣ, въ полѣ спочиваe,
Надъ нимъ сидить сизый соколъ, въ головоньку
ськае.“

Да вдарилась мати объ полы руками:
— Теперъ-же я, мои дѣти, пропала изъ вами. —

„Сама себе, мати, сама провинила,
Що насъ такихъ покохала да й не поженила.“

— Сыны-жъ мои любѣ, сыны вы миленькѣ,
Тымъ-же я васъ не женила, що вы молоденькѣ!

28.

— Въ недѣлоньку рáно розíгрáлося мóре:
Не одному́ сы́ну на чужи́нѣ гóре!

Вы́йду за ворóпа, спáну якъ сирóпа.
Нихто́ менé не займáе! я бѣдный сирóпа! . . .

Да лепи́нь орéлъ сúзый, орéлъ сизокры́лый:
„Чого́ спойшъ-ту́жишъ, мóй сы́ну еди́ный!“

— Да порáдь менѣ, óрле! що́ мáю робúпи:
Да помéръ опéць, мáпи, вся моя́ роди́на. —

„Да и ты́ не зна́ешъ, да и я́ не зна́ю,
Покидáй сей крáй, де ро́ду не мáешъ;

Да йди́ на Вкрáйну, тамъ знáйдешъ роди́ну,
Тамъ знáйдешъ роди́ну, лю́бую дѣвчúну.“

29.

Журба́ менé су́шипь, журба́ менé вáлипь,
Журба́-жъ менé, мáпи, ско́ро изъ но́гъ зва́лишь!

А я́-жъ по́й журьбѣ́ да й не по́ддаю́ся —
По́йду́ до шинка́рки, горѣ́лки напью́ся.

Горѣ́лочка пья́на, су́ча журба́ вúряма;
Горѣ́лочка су́мна, су́ча журба́ у́мна.

Чому́-сь менѣ, бráте, горѣ́лка не пьéпся,
Би́ля мого́ се́рденька якъ га́дина вьéпся.

Ко́ло се́рдця, бráте, ко́ло се́рдця мо́го,
А коли́ не вѣ́ришъ, неха́й биля́ пво́го!

Були́ въ менé лу́ги, спáли жúто жáпи;
Бувъ въ менé опéць и ро́дная мáпи,
А тепéръ нѣкому порáдоньки дáпи!

Були́ въ мене́ лу́ги, высо́кіи во́льхи,
Були́ въ мене́ дядьки́ и ро́дныи тѣ́тки,
А тепе́ръ пора́доньки не ма́ю ни зво́дко́ль!

Да були́ въ мене́ лу́ги, були́ и копи́ці —
А тепе́ръ нѣ́кому пода́ть и води́ці.

Не да́й Бо́же сме́рти — на чужи́нѣ вме́рти:
Ой нѣ́кому доглянýти тамъ мое́и сме́рти.

30.

Ой не шуми́, лу́же, дубро́вою ду́же,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ кра́ю,

Ой я въ чужо́мъ кра́ю якъ на пожари́нѣ,
Нихто́ мене́ не приго́рне при лихо́ій годи́нѣ!

Ой робло́ я, роблю́, робо́та ни-за́-що,
Лю́ди ка́жуть и гово́рять: сирота́ леда́що!

Сирота́ леда́що, не хо́че роби́ти;
Ой отда́ймо вра́жа сы́на у во́йсько служи́ти!

Сирота́ вгомо́вся, на ти́нъ похили́вся —
Лю́ди ка́жуть и гово́рять: во́нъ ма́буть ушо́вся!

Ой по́йду́ я, по́йду́ на гору́ кругу́ю,
Ой ста́ну-жъ я, подивлю́ся на ре́чку быстру́ю.

Ой ре́ченька, быстре́нькая! на е́и дивлю́ся,
Таки́ мене́ думки́ взно́сять: по́йду́ утоплю́ся!...

— Не топи́ся, коза́ченьку! ма́рне ду́шу згу́бишъ:
Тре́ба зъ нею въ свѣ́тѣ жи́ти, хочъ е́и не лю́бишъ!...

31.

Ой не шуми́, лу́же, пы зеле́ный га́ю,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ кра́ю!
Бо я́ въ чужо́мъ кра́ю ма́рне пропада́ю,
Ой шы́мъ-же я пропада́ю, що ро́ду не ма́ю. . .
Хочъ у ме́не и е́ ро́дъ — дале́ко одъ ме́не;
Ой я чую чере́зъ лю́ди, цура́ються ме́не.
Неха́й воны́ цура́ются, да якъ сами́ зна́ють,
Прі́йде ша́я годи́нонька, що й мене́ згада́ють!

32.

Зъ по́ля ве́теръ ве́е,
За Лима́номъ завыва́е,
Ту́га-печа́ль налага́е. —
Ой я съ шу́ги, да зъ печа́ли
По́йду́ въ корчму́ погуля́ю.
Шинка́рочка молода́я,
Вона́-жъ мене́ давно́ зна́е,
Горе́лочки повъря́е. —
Шинка́рочко молода́я!
Усы́пъ ме́ду и горе́лки,
Тепе́ръ въ ме́не нема́ жо́нки.
Въ ко́го жо́нка́, въ ко́го де́ти,
Тому́ въ По́льщѣ до́бре жи́ти.
А я́ жо́ночки не ма́ю,
Я въ Оде́сѣ пробува́ю. —
А въ Оде́сѣ до́бре жи́ти,
Мѣшко́мъ хлѣба не носи́ти,
На па́ньщину не ходи́ти,
Поду́шного не плати́ти.
Ни за плу́гомъ, ни за ра́ломъ,
Называ́ють мене́ па́номъ.

33.

Ой лужéчки да бережéчки да водá понялá;
Да вжé-жъ моió да голóвоньку журбá обнялá.

Охъ и я́ журбу́, охъ и я́ тоску́ да на ли́сту спишу́;
Охъ и я́ журбу́, охъ и я́ тоску́ на Дунáй пущу́.

Да плыви́, журбо́, да плыви́, тоска́, да по всѣмъ берегáмъ;
Охъ и роздáй, Бóже, мою печáленьку по всѣмъ ворогáмъ.

Да зелéный дýбъ, да зелéный дýбъ, да безъ сóнця завъя́въ,
Молодéнькому да козáченьку Богъ дóлi не дáвъ.

Да не дáвъ дóлi, да не дáвъ счáстя, да не дáвъ шаланá,
Да куды́ я пôйду́, куды́ повернýся — то всé чужинá.

34.

Ой въ пóлѣ могúла зъ вѣтромъ говорúла:
Повѣй, вѣтре, ты на мéне, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,
Щобъ на менѣ травá росла́, да щé й зеленѣла!

И вѣтеръ не вѣе, и сóнце не грѣе,
Тôльки въ степу́ при дорóзѣ травá зеленѣе!

Ой у степу́ рѣчка, черéзъ рѣчку кла́дка:
Не покидáй, козáченьку, рôднéнького бáтька!

Якъ бáтька покúнешъ, самъ мáрне загúнешъ,
Рѣчéнькою быстрéнькою за Дунáй запли́нешъ.

— Бо-да́й та́я ре́чка ры́бы не плоди́ла:
Вона́ мого́ това́рища на-ве́ки вто́пила!
Бо-да́й та́я ре́чка кошу́ромъ заросла́:
Вона́ мого́ това́рища за Дуна́й занесла́!

35.

Лете́въ соколо́нько, да й се́въ на дубо́ньку,
Схили́въ-склони́въ голово́ньку уни́зъ до-доло́ньку.
Кли́че ма́ти сы́на зъ корчмы́ до-домо́ньку:
Иди́, сы́ну, до-домо́ньку, пропье́шъ худобо́ньку.
„Мати-жъ моя́, ма́ти, и са́мъ-же я ба́чу,
Що я́ свою́ худо́боньку усе́ ма́рне пра́чу.
Ой не по́йду́, ма́ти, до-до́моньку спа́ти:
Е на се́рдцѣ скорби́тонька, але́ченько зна́ти.
Зна́ти ма́ти, зна́ти; ще́ знатне́йше бу́де,
Що́ учо́ра изъ-вечо́ра осуди́ли лю́де.
Не та́къ стари́ лю́ди, якъ малы́и де́ти:
Доведе́ться одъ ворого́въ въ кайдана́хъ сиде́ти!
Хочъ бу́ду сиде́ти, да зна́ному за́-що:
Неха́й зъ ме́не не смье́тся всякее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що робити-ста́ти:
Запражу́ чотыри́ волы́ да по́йду́ ора́ти!
Волы́ мои́ половы́и, чому́ не оре́те?
Ле́та мои́ молоды́и, чому́ ма́рне йде́те?
„Якъ бы вы́ насъ погана́ли, такъ бы мы́ и ора́ли!
„Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, такъ бы ва́съ слуха́ли.“

Запряжу́ чоты́рй ко́нй, ко́нй вороны́и,
Да поѣ́ду доганя́ти лѣ́та молоды́и.

Ой догна́въ же лѣ́та свои́ въ кали́новôмъ мо́стѣ:
Вернѣ́теся, лѣ́та мои́, хочъ до ме́не въ гостй!

Лѣ́та-жъ мои́, лѣ́та мои́, лѣ́та молоде́нькй!
Коли́ до́ля несчастли́ва — бу́дьте короте́нькй!

37.

Летѣ́въ го́лубъ да все́ роско́шно;
Лѣ́та мои́ молоды́и пôшли́ розто́чно.

Летѣ́въ го́лубъ да й упа́въ на са́дъ:
Лѣ́та мои́ молоды́и, вернѣ́ться наза́дъ!

38.

Лети́ть оре́лъ по-на́дъ мо́ремъ по высо́кôй высо-
ко́стй:
Пла́че коза́къ старе́сенькій да по своѐй молодо́стй.

— Лѣ́та-жъ мои́ молоды́и, де́ ся вы подѣ́ли:
Чи вы въ луги́, чи въ байра́ки геть одъ ме́не по-
летѣ́ли?

Лѣ́та-жъ мо́и молоды́и, де́ ся вы подѣ́ли? . . .
Завили́ся въ клено́вый ли́стъ, да въ лѣ́съ полетѣ́ли!

Коза́цькая здобы́ченька ма́рне пропада́е:
Ты́ждень коза́къ заробля́е, за оди́нъ дёнь пропива́е."

39.

Да йшо́въ коза́къ зъ До́ну, да зъ До́ну до-до́му,
Да й сѣ́въ надъ водо́ю, проклина́е до́лю:
— До́ле-жъ моя́, до́ле, чо́мъ ты не така́я,
Ой чо́мъ не така́я, якъ до́ля чужа́я?

Що лю́ди не ро́блять, да въ жупа́нахъ хо́дять,
А я́ роблю́, дба́ю — и сви́ты не ма́ю;
Що лю́ди гуля́ють и ро́скоши̂ маю́ть,
А я́ роблю́, дба́ю — ничо́го не ма́ю! —
Обо̂зветься до́ля по то̂мъ бо́цѣ мо́ря:
„Коза́че-бурла́че! дурны́й ро́зумъ ма́ешъ,
Що ты́ свою́ до́лю ма́рне проклина́ешъ:
Ой неви́нна до́ля, ви́нна твоя́ во́ля —
Що ты́ заробля́ешъ, то все́ пропива́ешъ,
Що въ де́нь загорю́ешъ, за́ но̂чъ прогайну́ешъ,
А що́ затала́нишъ (174), то музы́ки наймешъ:
Ой гра́йте, музы́ки, изъ дво́ра до дво́ра,
Да що́бъ не жури́лась стара́ не́нька до́ма!...
— Якъ музы́ки гра́ли, то й на́съ лю́ди зна́ли,
А я́къ переста́ли, то й ла́яти ста́ли! —

40.

Ой не спа́въ я но̂чку темне́нькую,
Да не бу́ду спа́ти ще́ й другу́ю,
Да чому́-сь менѣ́ ну́дно
И на се́рденьку тру́дно,
Молоды́й коза́къ, са́мъ не зна́ю!

Да вѣ́ють вѣ́тры все бу́йныи,
Да иду́ть дожчи́ все дро̂бныи,
Зе́млю розруша́ють,
И траво́ю устила́ють,
Кра́снымъ цвѣ́томъ искраша́ють.

(174) Затала́нити или закала́нити — пріобрѣсть, нажить.

Да тепе́ръ рѣчки́ не глыбо́кіи
И на перево́зѣ не широ́кіи;
А луги́ изъ луга́ми,
Береги́ зъ берега́ми,
Де прохо́дишь зъ корабля́ми.

А тепе́ръ не прохо́дишь,
И бурла́къ не прово́дишь
За вра́жими ворога́ми! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки́ до Мару́сѝ въ го́спѝ:
„Мару́сенько-па́нѝ! чи е́ тво́й панъ до́ма?
Коли́-жъ нема́ па́на, вы́йди до на́съ са́ма!“
Мару́сенька не по́зна́ла, въ черевѝчкахъ вы́йшла:
— Есте́ вы коза́ки, есте́ гайдама́ки! —
„Мару́сенько-па́нѝ! по чо́мъ ты по́зна́ла?
По чо́мъ ты по́зна́ла, пра́вдоньку сказа́ла?“
— По то́мъ я по́зна́ла, пра́вдоньку сказа́ла,
Що я свого́ па́на ко́ника по́зна́ла. —
„Мару́сенько-па́нѝ! не пра́вдоньку-жъ ка́жешь:
Мы того́ ко́ника въ твого́ па́на купи́ли,
Въ зеле́но́й дубро́вѣ гро́шѝ полѣчи́ли,
Въ холо́дно́й крыни́цѣ могори́чъ запи́ли,
По́дъ гнилу́ коло́ду па́на по́дкопи́ли.

42.

(Галицкая).

„А щó у тôй Чорногóрѣ за ворóнî кóнî!
Ходѣ́мъ, брáте, въ гайдамáки, чýемо червóнî.
Ой и чýемо червóнî въ пáна молодóго...
Ой я́къ бы ихъ да ужи́ти зъ дворá головнóго?“
— Ой я знáю, пáне-брáте, я́къ то îхъ ужи́ти:
Молодóго тогó пáна до стѣны́ приби́ти!
Ой приби́ти рýки, нóги, ще межи́ плечи́ма,
Да щóбъ на нáсъ вôнъ диви́вся чóрными очи́ма!

43.

Нá-що-жъ тобѣ́, пáне-брáте, торби́ну таскáти?
Лѣ́пше тобѣ́, пáне-брáте, людéй розбивáти.

Чи знáешъ ты, пáне-брáте, що бýдемъ дѣя́ти:
Вы́рѣжемо врáжихъ сынôвъ, бýдемъ пановáти!

Чи бáчишъ ты, пáне-брáте, за лѣ́сомъ моги́ла:
Чи ты́ умрéшъ, чи пови́снешъ — разъ мáти роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

44.

Ой по горáмъ снѣги́ лежáть,
По доли́намъ вóды стоя́ть,
А по шляхáмъ маки́ цвѣтýть:
То не маки́, а чумаки́ —
Зъ Кры́му идýть, ры́бу везýть.

Ма́ти сы́на вызнава́ла,
Да не взна́ла — выклика́ла:
— Иди́, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́ю тобѣ́ голо́воньку! —

„Измы́й, ма́ти, сама́ собѣ́,
Або́ моёй ро́дно́й сестрѣ́:
Мене́ змы́ють — дро́бни́ до́жчи́,
А розче́шуть — гу́сти́ те́рны,
А просу́шить — ясне́ со́лнце,
А розку́дрють — бу́йни́ вѣ́тры!...“

45.

Чума́ченьки коза́ченьки ка́шу вари́ли,
А сами́ сѣда́ли, пѣ́сню спѣва́ли:
„Хо́дить пу́га по лугу́,
Гне́ться ту́ръ-во́лъ у дугу́.
Хо́дить пу́га по га́ю,
Кли́че дѣ́вку Га́лю.
Хо́дить пу́га по балка́хъ,
Пла́че пу́га по Козака́хъ.
Хо́дить пу́га по дубро́вѣ,
Що нема́е до́ли́, до́ли́!“

46.

Зацвѣла́ кали́на у лу́зѣ да попусти́ла кве́ты,
Не оди́нъ чума́нъ ки́да жо́нку и дро́бне́нькі дѣ́ты.

До́бре було́ да чумакова́ти по́ки всю́ды було́ ро́вно,
А що́ вже чере́зъ ти́и биле́пы да й ходи́ти не во́льно.

Гей въ степу́ глыбо́ка крыни́ця, то́льки вода́ блищи́тся;
Гей по́йшо́въ-бы я до жо́нки, дѣтей — не ма́ю чѣ́мъ розплати́тися.

47.

Ой ходи́въ чума́къ сѣ́мъ рѣ́къ по Дону́,
Да не було́ приго́донькы никóли ёму́.

Ой ишóвъ чума́къ зъ Крыму до-до́му,
Ста́лась ёму́ приго́донька за всю́ доро́гу,

Ста́лась ёму́ приго́донька не въ де́нь, а въ ночѝ,
Занеду́жавъ чума́ченько зъ Крыму идучи́,
При широ́кóй доро́женьцѣ волы́ пасучи́.

Ой пóйшóвъ чума́къ въ Сама́ръ на база́ръ,
Черво́ною хустúною голóвку звяза́въ.

Ой упа́въ чума́къ, упа́въ да й лежúть,
Нихто́ ёго́ не спита́е що́ въ ёго болúть.

Ой и болúть въ ёго се́рдце й голова́,
Помира́е чума́ченько, а ро́ду нема́.

Прiйшóвъ до ёго́ опа́манъ ёго́,
Бере́ его́ за ру́ченьку, жалу́е ёго́.

„Опа́мане мóй, жа́луешъ мене́:
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укры́й мене́.

Бери́ мои́ волы́-возы́ — похова́й мене́,
Бери́ мое́ сре́бло-зло́то — помина́й мене́.“

Изки́нувъ чума́къ свúту и кожу́хъ,
Припада́е къ сирóй землѣ́, те́плый зво́де ду́хъ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе капита́нъ:
„Волы́ мои́ половы́и, хто́-жъ бу́де вамъ па́нъ?

Да вдáрили зъ-рáзу у велúкій дзвóнъ,
Сé-жъ по тому́ чумáченьку що ходúвъ на Дóнъ.
Да вдáрили зрáзу въ дзвоны́ уво всѐ:
Сé-жъ по тому́ чумакóвй, що ходúвъ по сóль.
Ой ишлú волы́ да въ вóсмерику́,
Задзвонúли въ усѐ дзвоны́ по пóмъ чумаку́.
Ревну́ли волы́ у новóмъ ярмѣ;
Похова́ли чума́ченька въ чужóй сторонѣ.
Ревну́ли волы́ степóмъ идучú;
Похова́ли чума́ченька, зъ Крыму везучú.

48.

Ой злепѣвъ пу́гачъ на ялúноньку, да якъ *пу́гу да пу́гу*!
Гей, допягáйте слáвнй чумáченьки да до тéмного лу́гу!
Ой рáдибъ мы поспѣшáти, да чумáкъ занеду́жавъ.
Ой занеду́жавъ да чумáкъ Микúта да на вóзъ похилúвся,
Да прáвою ру́ченькою за сéрдце ухопúвся,
Кáренькими óченьками на воликóвъ подивúвся.
„Ой волы́ мой, да половúни! хто́ вамъ Нáномъ бу́де?
Ой я́къ менé чумака́ Микúты на свѣтѣ не бу́де?“
— Ой той надъ нáми бу́де пановáти, хто́ насъ бу́де поганя́ти! —
Ой вы чумáченьки, ой вы бурлáченьки! ой вы лю́ди на всé го́жи!
Ой изробѣте чумакóви Микúтѣ домовúну зъ рогóжи.
Та вы́рыйте надъ чумакóмъ Микúтою да высóку могúлу;
Та посадѣте надъ чумакóмъ Микúтою, да червóну калúну.

49.

Ой чума́че, чума́че!
Въ тебе́ ли́чко коза́че.
Чомъ не ра́но зъ Кры́му йде́шъ,
Не всѣхъ чумако́въ веде́шъ?
— Ой я ра́но зъ Кры́му йду́,
Всѣхъ чума́ченько́въ веду́,
То́лько́жъ нема́ одно́го —
Мого́ бра́та родно́го! (а)
Шука́въ, шука́въ, не найшо́въ,
Запрѣгъ волы́ да й по́шо́въ.
Ѣхавъ, ѣхавъ — моги́ла,
Кра́й моги́лы — доли́на,
Та́мъ чумаки́ стоя́ли,
Та́мъ же и мы́ приста́ли.
Ошама́не, ба́тьку на́шъ!
Пора́дь же ты тепе́рь на́съ:
Що бу́демо роби́ти,
Чѣмъ во́лико́въ корми́ти?
— А ще, хло́пцѝ, не бѣда́!
Есть у по́лѣ лобода́:
Косѣть, хло́пцѝ, лободу́ —
Забува́йте сю́ бѣду́!
Косѣть, хло́пцѝ, пшени́цю —
Въ чи́сто́мъ по́лѣ метли́цю.
Ко́сѣть, хло́пцѝ, ве́сь спори́шъ —
Кормѣть воло́въ на бары́шъ.
Косѣть, хло́пцѝ ошаву —
Пасѣть воло́въ на сла́ву.

Косѣ́ть, хло́пцѝ, щé ячмѐнь —
Поѣ́демо въ Кры́мъ по сôль!
Косѣ́ть, хло́пцѝ, и ове́съ —
Поѣ́демо у Оде́съ!
Косѣ́ть, хло́пцѝ, очере́тъ —
Нава́римо вечеря́ть,
Уки́немо чабака́,
Да помяне́мъ чумака́! . . .

(а) Вмѣсто сихъ стиховъ поютъ еще такъ:

Тôлькô одного́ нема́ —
Вдо́виного Ивана́:
Скла́лась ему́ причи́на,
Голо́воньку проби́ла —
Полама́лись терезы́,
Сôль ва́жучи ни возы́.

50.

Да иде́ чума́къ да доро́гою,
Ме́дъ-вино́ кружа́е;
Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ волôвъ не ма́е.

— Да бѣжи́, хло́пку, да бѣжи́, малы́й,
Дава́й пана́мъ зна́ти:
Да неха́й паны́, да неха́й воны́
Шлю́ть волôвъ шука́ти! —

Ой у Кі́ёвѣ да на ры́ночку
У всѣ дзво́ны дзво́нять. . .

Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликôвъ го́нять.

Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликôвъ жену́ть;
А за вола́ми да за воза́ми
Бусурме́на веду́ть.

Да веду́ть, веду́ть да бусурме́на
На кругу́ моги́лу:
— Да диви́сь, диви́сь, да бусурме́не,
На свою́ краи́ну. —

„Да тепе́ръ менѣ, да ми́лій бра́тья,
Краи́на не ми́ла:
Що розсерди́вся мо́й оте́цъ й ма́ши,
Ще й ве́рна дружи́на!“

51.

У по́лѣ криниченька, холо́дна води́ченька;
Тамъ чума́къ воло́въ напова́е:
Воли́ реву́ть, воды́ не пьють, доро́женьку чу́ють.

„Бо-да́й же васъ, се́рій воли́, да до Кры́му не зходи́ли!
Якъ вы мене́ молодо́го навѣкъ засмути́ли ...“

Поме́ръ, поме́ръ чума́ченько въ недѣленьку вра́нцѣ;
Похова́ли чума́ченька въ зелено́мъ байра́цѣ.

Насыпа́ли чума́ченьку высо́ку моги́лу;
Посади́ли на моги́лѣ черво́ну кали́ну.

Прилепѣ́ла зозу́ленька, да й сказа́ла: ку́-ку!
Пода́й, сы́ну, пода́й, о́рле, хочъ пра́вую ру́ку!

„Ой ра́дъ-бы я́, моя́ ма́ти, обѣ́-двѣ пода́ти;
Да налягла́ сыра́ земля́, не мо́жно по́дня́ти!“

Lotta emp 12